

Зарисовки

Константин Собко

18+

Константин Степанович Собко

Зарисовки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70239619

SelfPub; 2024

Аннотация

Наша жизнь, то есть все поступки и планы – это реальность или сон? Так ли всё просто в этом мире?

Константин Собко

Зарисовки

ТРИНАДЦАТАЯ ПЛАНЕТА

Завершив облёт планеты, чёрный треугольный разведчик с эмблемой высшего командного состава вошёл в ночную зону, снизился и остановился.

– Штурман, полный обзор! – прозвучал сухой голос.

На экране появились холмы, просторная долина. Вдалеке фосфоресцировало скопление планктона, поднявшегося из глубины моря.

– Что скажете? Достаточно благоприятные условия? – произнёс тот же голос.

Группа генералов сидела за овальным столом. Одни пили лимонад, другие ели фрукты, глядя то на экран, то на настенное табло, где светились показания состава атмосферы, давления у поверхности, силы гравитации, степени радиоактивного излучения, а также длинный перечень астрономических и прочих данных.

– Вполне приемлемо, – отозвался один из генералов.

– Мой профиль – природные ресурсы, – заговорил другой генерал. – Обратите внимание, что верхний почвенный слой буквально напичкан техническими компонентами. Ис-

ключение – ферет, мемерон, кри-3.

– Девяносто процентов ресурсов мы изыдем, – ответил сухой голос. – Это компенсация за проведение разведки.

– Продолжительность суток меньше, чем на нашей планете, на четыре часа, – заговорил ещё один генерал. – Пожалуй, в этом нет ничего страшного. А кислорода, обратите внимание, больше на семь процентов. Это позволит камлянам убежать от хищников, не испытывая ни усталости, ни одышки.

– По-моему, не для них, а для хищников и аборигенов скоро наступят тяжёлые времена, – произнёс сухой голос. – Кого из арестантов ни возьми – экстрасенс, гипнолог. Агрессивные вырожденцы!

– Да, это верно! Удивительно, что никто из них не напал на представителей власти во время дознания.

– Если они нападут на охрану, мы будем вынуждены открыть огонь. Если сброс пройдёт мирно, не будет повода обвинить нас в некомпетентности, умышленном накаливании страстей или вредительстве, – прозвучал ещё один голос. – Да и мы сами не будем испытывать угрызения совести.

– Согласен с тем, что мы должны исключить малейшие поводы для придинок, выполняя пункты приказа. Верховный главнокомандующий обязательно просмотрит наш отчёт. Ни одной осечки не должно быть. В итоге та полемика, которая всколыхнула наше общество, вскоре утихнет, не имея серьёзной подпитки.

– Да, – согласились генералы.

– Двенадцать планет явно не были пригодны для жизни, это понятно даже курсантам, а здесь... вполне...

Штурман громко откашлялся, привлекая к себе внимание, и сказал:

– Можно совершить ещё несколько адресных переходов к ближайшим планетарным системам.

– Сколько адресов? – прозвучал сухой голос.

– Семь.

– Условия схожие?

– Нет, хуже. Были хуже. Разведка в этом удалённом районе галактики производилась двести тысяч лет назад. Если за это время на какой-нибудь из семи планет завершилось Великое окисление, то есть произошло насыщение атмосферы кислородом...

– Это нам понятно. Предпосылки обнадёживали?

– На этих планетах были и синие водоросли, и несколько видов грибков, но краткосрочное исследование не позволило определить, насколько быстро они размножались.

– То есть, не исключена вероятность, что, прозондировав те семь планет, мы будем вынуждены вернуться сюда?

– Вполне возможно.

– Штурман, отклоняю ваше предложение! И охрана, и пилоты уже длительное время испытывают состояние напряжённости. Пока нервных срывов не было, но, если экипажи и дальше будут находиться в дискомфортных условиях... – сухой голос сделал паузу, затем продолжил. – Предлагаю про-

известии сбросы. Предоставляю возможность высказаться тому, кто имеет иное мнение.

Генералы промолчали.

– Хорошо, значит, все согласны. Первый пункт приказа мы выполнили – рассортировали камлян по цвету кожи и форме глаз. Выполнили пункт номер два – нашли пригодную для жизни планету. Выполнили пункт номер три – указали в отчёте бортовые номера базы и крейсеров. Теперь мы должны выполнить пункт номер четыре: расселить камлян изолированными группами. Штурман, топографическую карту!

Над поверхностью стола появились контуры материков с цифровыми данными рельефа. Один из генералов указал на мигающую красную точку и сказал:

– Мы находимся здесь. Рядом море, река, горы. За бортом комфортная температура. Предлагаю сбросить сюда особо опасных нарушителей закона.

– Почему нет? Вполне приемлемые условия. Нареканий в наш адрес не будет. Сюда направим базу. Возражения есть? – спросил сухой голос.

– Нет, нет, – ответили генералы.

– Теперь давайте решать, в какие точки направим крейсера для осуществления сбросов. Наличие нескольких материков позволит нам рассредоточить камлян без долгих и кропотливых размышлений.

Вскоре места посадочных точек были обозначены и утверждены.

– Штурман! – прозвучал сухой голос. – Передайте командирам базы и крейсеров обозначенные нами координаты и приказ: «Сброс!» Приступим к завершению миссии.

*

Огромная чёрная «шайба» встала на опоры посреди погружённой в ночь долины. Загудели механизмы, под днищем базы вспыхнул бледно-голубой свет. На почву лёг широкий трап. Две колонны вооружённых солдат побежали вниз по шероховатым плитам. Выбежав в долину, солдаты опустили на лица светофильтры, передёрнули затворы и взяли оружие на изготовку.

В чреве базы ярко вспыхнули прожекторы, осветив сидевших на грузовой палубе арестантов в серых рубищах и их детей. Несколько минут стояла тишина, затем из динамиков раздался громкий голос:

– Встать! Покинуть базу!

Младенцы и малыши, проснувшись, заплакали.

– Не смотреть в глаза! Смотреть под ноги! – прозвучала команда.

После того, как арестанты и их дети оказались в долине, прозвучало:

– Сбросить Главного!

Открылась одна из клеток. Солдаты вытолкнули из неё массивное металлическое кресло, в котором сидел седовла-

сый мужчина с завязанными глазами.

Спешно выкатив кресло в долину, солдаты отошли на почтительное расстояние.

– Ливлезия, снимите повязку с глаз мужа! – прозвучал в динамиках сухой голос.

После того, как команда была выполнена, голос продолжил:

– Теперь, Камлион, ты и твоя «армия» будете жить здесь. Нравится эта планета – Терра?

Главный арестант посмотрел на траву и кусты, на плещущее вдалеке море, на незнакомые созвездия и ответил:

– Нравится.

– Очень хорошо! Считаю нужным сказать, что эта планета находится на противоположной стороне нашей галактики. На Илмию, не имея средств доставки, вы не сможете вернуться. Вы получили то, о чём мечтали: полное отсутствие цивилизации!

– Напрасно ты злорадуешь, Цегеот, – сказал Камлион. – Выгнав нас с Илмии, вы не улучшили, а ухудшили ситуацию.

– Вряд ли.

– Ухудшили, я это точно знаю. Я говорил на суде, повторю ещё раз, в надежде на то, что среди вас есть патриоты Илмии. Да, мы – полувоенная организация. Да, у нас есть табель о рангах. Да, мы ломали громоздкие сооружения и технику, не нанося при этом травм никому из граждан. Мы

делали это потому, что слышали, как Илмия стонала и просила не терзать её. Она терпела и ждала, надеясь, что наше движение охватит все материки. Но вы нас выдворили. Истерзанная планета осталась наедине со своими мучителями. Защитников и надежды она лишилась. Что будет дальше? Её терпение скоро закончится.

– Вряд ли.

– Закончится. И вы должны знать, что гнев планеты несравним с нашим сопротивлением. Илмия без сожаления стряхнёт с себя вашу цивилизацию. Мы знаем это, и будем оплакивать и вас, и ваших потомков.

– А мы знаем, Камлион, что ты искусный демагог. Нас твои речи не впечатляют. Ответь, чем вы займётесь после того, как база улетит? Разведёте огонь, чтобы согреться и приготовить пищу? Или нет? Отправитесь искать пристанище, или останетесь на месте, отдав себя на милость природы? Подчинитесь этой планете или подчините её?

– Я чувствую, что планета приняла нас. Вы – её враги, мы – друзья. Она согреет нас и накормит. Отныне мы всегда будем милосердно относиться к нашему новому дому.

– Не всегда! Ты смертен, Камлион! Сколько ты проживёшь, не имея поддержки нашей медицины? Лет двести, возможно, триста. Только создав монументальные статуи, стелы, барельефы с надписями-правилами, можно сохранить память о своём существовании. Ничего подобного вы создавать не намерены? Или же...

– Не намерены, – прервал его Камлион.

– Значит, вы сами вычеркните себя из истории. Пройдёт немного лет, и твои правила будут забыты. Что произойдёт дальше? Чем займутся ваши потомки? Скорее всего, в них заговорит память предков. Они построят города, проложат дороги, создадут воздушные, а затем звёздные корабли. Иного пути к процветанию не существует.

Помолчав, сухой голос продолжил:

– Вам нет прощения за то, что вы упорно подрывали мощь нашей цивилизации. Но почему должны страдать ваши дети? Они несмышлёные. Им нужны комфортные условия, а не те, в которых будете жить вы. Отдайте их нам, проявите благоразумие хотя бы однажды.

Матери прижали детей к себе. Камлион, нахмурившись, не произнёс ни слова.

– Настаивать не имею права, – после долгой паузы прозвучал сухой голос. – Живите, размножайтесь. Это нам на руку, потому что у ваших детей отменное здоровье. Вы сохраните лучшие образцы нашей нации... Запомни, Камлион, наша надзорная служба отныне всегда будет рядом. Мы будем контролировать и вас, и ваших потомков. Уверен, в будущем камляне пойдут нашим путём. Не имеет значения, сколько пройдёт времени – тысячи или сотни тысяч лет. Однажды, когда мы убедимся, что ваши потомки стали хозяевами планеты, а не её гостями, мы придём и раскроем все тайны. Просвещённые камляне вернуться на Илмию полно-

правными гражданами. А затем мы – илмиане, – продолжим покорять Вселенную. Именно покорять бесконечную бездну, а не прислуживать ей... Охрана, занять места в отсеках!

Большой трап подняли. База взлетела, набрала высоту и остановилась. Вскоре в неё, осуществив сбросы, влетели крейсера. База заиграла всеми цветами радуги и стремительно унеслась.

*

Поднявшаяся над горизонтом доминирующая звезда осветила долину и камлян, неотрывно смотрящих в небо.

На Терре – Земле зарождался новый день.

ЗАКОН «ГУСТО-ПУСТО»

Сон Натальи прервал звук, похожий на стрекотание цикады. Она открыла глаза, нажала на кнопку будильника, затем спрятала руку под одеяло. В комнате было прохладно, стоял полумрак. За окном зарождался очередной ненастный осенний день. Моросил дождь. Ветер раскачивал почерневшие ветви ивы. На общей кухне за тонкой стенкой кто-то без устали гремел алюминиевой посудой. В её ушах, перекрывая этот шум, продолжал звучать голос полноватого розовощёкого канцлера:

– Госпожа, завтра вся страна будет праздновать ваш день

рождения. Те, кому повезло родиться с вами в один день, получают по одной золотой монете. И, осмелюсь вам напомнить, что завтра...

«Что ещё? Что ещё должно произойти завтра?» – подумала она, напрягая слух, но тонкая нить, связывавшая её со сновидением, оборвалась.

Она часто-часто заморгала и всхлипнула. Бесспорно, жить на планете Диэссолис было намного интереснее, чем в этом мире. Там её боготворили, а здесь...

Наталья вытерла слёзы и обвела комнату взглядом. Тумбочка с будильником и ночной лампой. Кухонный стол с посудой и выдавшей вида электроплиткой. Два стула. Старенький комод. Узкий бельевой шкаф. Матерчатый выцветший абажур. Чёрное пятно на стене – радио. Умывальник у двери.

Она тяжело вздохнула, вспомнив сиявшие золотом парадные залы, уютные будуары, услужливых вельмож и проворных слуг. В том мире никуда не нужно было спешить, а здесь...

«Где сон, где явь? – подумала она и откинула одеяло. – Хоть и не хочется, нужно идти на работу».

Надевая новое платье из шотландки, она опять почувствовала прилив жалости к себе и пару раз всхлипнула.

По тротуару шла, надвинув на лицо капюшон синего дождевика, невысокая стройная девушка. Рядом, гроыхая, проезжали трамваи; проносились мотоциклы, поднимая фонтаны брызг; утробно рыча, проехала пара чёрных эмок.

Перепрыгивая через лужи, Наталья прошла несколько кварталов и вошла в здание горкома партии. В фойе поздоровалась с пожилым охранником.

– Здравствуй, лесная фея, – ответил тот, пробежав взглядом по копне её светло-рыжих волос, по румяным щекам и алым губам. – Василий приедет на побывку через пару недель. На днях ему присвоили звание старшины.

– О! Это здорово!

– Конечно, – пригладив усы, согласился охранник. – Дисциплинированный и умный парень. Ты ещё не обзавелась женихом?

– Нет, не обзавелась.

– Хорошо. Ну, иди, красавица, трудись.

Слева в глубине тускло освещённого коридора находилась телефонная станция. Подходя к двери ТС, она вдохнула знакомые запахи духов и табака. А затем окунулась в привычную деловую атмосферу.

– Станция. Соединяю... Станция. Повторите номер. Да, не занят. Соединяю... Три восемнадцать, подождите, – говорили девушки, экипированные наушниками и ларингофонами.

Стол с коммутаторами стояли вдоль стен. Над самым ответственным коммутатором висел портрет Хрущёва. Несколько девушек, разговаривая, стояли у деревянной вешалки, прибитой к стене. Владлена – невероятно очаровательная блондинка, – уже заступила на дежурство и смотрела

на лампочки, шнуры и гнезда своего самого ответственного коммутатора, приноравливаясь надеть наушники так, чтобы не повредить пышную причёску. Именно Владлену и её сменщиц в преддверии каждого праздника в обязательном порядке поощряли либо благодарностями, либо почётными грамотами, либо памятными подарками.

– Доброе утро, – сказала Наталья, подойдя к своему рабочему месту.

– Доброе, – ответила Татьяна, передавая ей наушники и ларингофон. – Ты такая хорошая – никогда не опаздываешь на работу. Трудись, а я побежала. Сердце нуждается в любви в любую погоду.

Татьяна засмеялась и устремилась к вешалке.

– Привет, привет, – окинув Наталью придирчивым взглядом, произнесла Владлена. – Да у тебя, как я погляжу, новое платье! Из магазина или с барахолки?

– Из магазина, – усаживаясь, ответила Наталья.

– По поводу какого праздника?

– У меня завтра день рождения.

– Понятно. Заранее не поздравляю – не принято. Кстати, платье – не дешёвая покупка.

Вдруг Владлена быстро надела наушники и, нажав на ключ, сказала:

– Доброе утро, Иннокентий Георгиевич! Спасибо! И вам желаю здоровья и счастья... Да, соединяю.

Рабочий день начался.

Вскоре в комнате появился высокий щеголеватый брюнет – начальник ТС Семён Захарович.

Когда он, мягко поскрипывая безупречно начищенными хромовыми сапогами, проходил мимо, Наталья сняла наушники и подняла руку.

– Что, Подгорная? – спросил начальник.

– Мне нужен отгул, Семён Захарович.

– Отгул? А он у тебя есть?

– Да. На прошлой неделе я выходила на работу вместо...

– Я вспомнил. Когда нужен отгул?

– Завтра, Семён Захарович. Можно?

Начальник долго рассматривал спину красавицы Владлены, затем перевёл взгляд на портрет Хрущёва, задумчиво почесал за ухом.

– Задала ты мне задачу, – пробурчал он. – Ладно, Подгорная, можно. После смены зайдёшь в кабинет, напишешь заявление...

– Спасибо, Семён Захарович!

Вечером Наталья спешила домой почти вприпрыжку. Сгорая от нетерпения, выстояла очередь в магазине. Дома торопливо развесила влажный дождевик, умылась, наспех поужинала и пулей влетела под одеяло.

«Завтра буду спать весь день», – подумала девушка, с азартом взбивая подушку.

Ретильетта открыла глаза. Два солнца – ослепительно-жёлтое и рубиновое – одновременно всходили над горизонтом, одно – на востоке, второе – на юго-востоке. В древние времена поэты называли эти звёзды Добротой и Заботой, и потомки сохранили эти названия, как и название ночного светила – Уют. Голубой гигант Уют находился на огромном расстоянии от Диэссолис, и по ночам, когда на небе не было туч, издалека излучал мягкое ненавязчивое сияние.

В просторной спальне сияли зеркала и золотой декор.

«Ура, я дома! – чувствуя радостное волнение, подумала Ретильетта. – Я дома! Не нужно стоять в очередях. Не нужно обедать в горкомовской столовой. Ни у кого никуда не нужно отпрашиваться. Здесь я главная! Это моя страна!»

Она прислушалась. Во дворце стояла тишина.

Вдруг она услышала, как один из охранников за дверью прислонил плазмострел к стене и сдавленно чихнул. Второй охранник шикнул на него, после этого опять наступила тишина.

Улыбаясь, Ретильетта выбралась из-под одеяла, на носочках подошла к двери, которая вела на украшенный статуями балкон, осторожно надавила на золотую ручку.

В воздухе витал аромат цветов – это благоухал императорский розарий. Из парка доносилось пение птиц и журчание фонтанов. Семейство жёлтых газелей подошло к бело-мраморной канавке, напилось родниковой воды и нетороп-

ливо удалилось.

И тут Ретильетта услышала стук каблучков. К ней быстрым шагом шли дежурные фрейлины во главе со статс-дамой Жельестиной.

– С днём рождения, госпожа! – воскликнула статс-дама.

– Спасибо.

– Вы не позвонили в колокольчик... На улице свежо, а вы вышли в одной сорочке, – Жельестина ужаснулась. – И босиком!

Женщина сняла с себя лёгкую пелерину и накинула её на плечи Ретильетты. Младшая фрейлина положила свою пелерину императрице под ноги.

– Милые мои! – растроганно произнесла Ретильетта, раскинула руки и обняла фрейлин и статс-даму. – Как я рада вас видеть! Как я соскучилась по Диэссолису! Надоел этот Хрущёв!

Услышав «Хрущёв», статс-дама и фрейлины переглянулись. Один раз в два-три месяца их и без того невероятно щедрая и ласковая госпожа превращалась в ангела во плоти, осыпая всех умопомрачительными подарками. Обычно такой день наступал тогда, когда госпожа просыпалась чуть свет и произносила странные слова или фразы. На этот раз столь долгожданное событие совпало с её днём рождения. Статс-дама и фрейлины одновременно подумали, что сегодня кто-нибудь из знати обязательно грохнетя на паркет, не справившись с избытком восторженных чувств. И, как

по мановению волшебной палочки, невероятно разбогатеют несколько семей простолюдинов, если госпожа изъявит желание выехать из дворцового комплекса в город.

К обнявшимся грациям подбежал запыхавшийся канцлер.

– О, святой Яйнен! – воскликнул он. – Госпожа! В такой день... вы босиком! С днём рождения!

– Спасибо.

Он опрометью бросился в спальню, вскоре вернулся, неся туфельки императрицы. Отдуваясь, собственноручно обул госпожу.

– Доброе утро, милые мои! – произнесла Ретильетта. – Как мне вас не хватало! Честное комсомольское!

Услышав «честное комсомольское» канцлер понял, что наступил долгожданный день, изобилующий сюрпризами. И в душе обрадовался тому, что очень кстати лично обул госпожу, никому не доверив эту почётную миссию.

– Жельестина, – продолжила Ретильетта, – идите и передайте сменщице мою волю: до праздничного ужина все дежурные фрейлины могут отдыхать. Колокольчик сегодня мне не понадобится: всё буду делать самостоятельно.

– Да, госпожа, – ответила статс-дама.

Оставшись наедине с канцлером, Ретильетта посмотрела на возвышавшиеся вдалеке высокие горы с заснеженными вершинами и спросила:

– Уважаемый Табльсет! Как вы думаете, где сейчас нахо-

дится мой жених Латдар?

– За перевалом, в пограничном селе, – с уверенностью ответил канцлер.

Затем, посмотрев на башенные часы, он кивнул головой:

– Да, определённо, уже в селе. Принц Латдар знает, что обычно вы просыпаетесь ближе к полудню. Сейчас он и его свита приводят себя в порядок после длительного перелёта. Сюда прилетят, я уверен, к обеду. Желаете, чтобы его осведомили о том, что вы уже бодрствуете? Дать команду пилоту дежурного скоростного пневмолёта?

– Нет, – ответила она. – К обеду – в самый раз. Пока я намереваюсь кое-что сделать.

Продолжая смотреть на горы, Ретильетта вздохнула и спросила:

– Моя ведунья в здравии?

– Да, госпожа. Вчера Трольесса чувствовала себя превосходно.

– Проводите меня до её покоев. Идёмте.

– Ваше платье, госпожа, – напомнил канцлер.

– Ах, да!

– Я не имею права присутствовать при вашем одевании, а фрейлин и статс-даму вы отпустили. Прикажете позвонить в колокольчик?

– Нет, нет! Я оденусь сама! Подождите здесь.

В гардеробной комнате она принялась перебирать повседневные, вечерние и парадные платья. Перебрав около сот-

ни, вернулась к двери, надела светло-фиолетовый костюм для верховой езды и обмотала шею шарфом золотистого цвета.

Увидев императрицу в таком «наряде», канцлер удивлённо поднял брови, хотел что-то сказать, но, подумав, промолчал. «День сюрпризов» только набирал силу.

Покои ведуньи находились на том же этаже в правом крыле дворца. Ретильетта шла по анфиладе роскошных залов и думала: «Это всё моё! От кончиков спиелей до полов тёмных подвалов. Если я захочу, то и лепнину, и драпировку любого из залов заменят. Однако я не взбалмошная сумасбродка и никогда не стану переделывать то, что создали мои легендарные предки».

У двери покоев ведуньи канцлер остановился, убрал руки за спину и широко расставил ноги – это была поза стража. Полноватому розовощёкому канцлеру было крайне неудобно стоять в такой позе, тем не менее, ситуация вынуждала...

В высокие стрельчатые окна проникал свет Доброты и Заботы. Ведунья, задумавшись, сидела перед зеркалом и неторопливо расчёсывала длинные густые волосы.

– Моя госпожа? – удивлённо воскликнула она, бросила гребень на столик и поднялась. – Чуть свет... Поздравляю вас с днём рождения!

– Спасибо.

– Присаживайтесь, госпожа. Что случилось?

– Я хочу кое-что выяснить.

– Хорошо, госпожа. Я всегда в вашем распоряжении.

Сев в кресло, Ретильетта ненадолго задумалась, затем сказала:

– Строго конфиденциально! Никто не должен знать...

– Клянусь своим даром! – ответила ведунья.

– С чего начать? Начну с того, что мне снятся сны. Они меня пугают. Снится, будто я живу в другом мире. Не помню, кем были мои родители. Не помню, что с ними случилось. Их нет, я сама должна заботиться о себе, а для того, чтобы быть защищённой, должна соблюдать все принятые там условности. Я хожу на работу... на телефонную станцию. А ещё я – комсомолка. Меня даже выбрали группкомсоргом, потому что я дисциплинированная. Правда, всё это ужасно?

Ведунья внимательно смотрела на молодую императрицу и кивала головой.

– Я знаю, – продолжила Ретильетта, – что та страна, в которой живу, была сильно разрушена во время войны. Мне выделили небольшую комнату в коммуналке в центре города, и считается, что мне невероятно повезло. Тысячи людей живут в ВГСх.

– То есть? Я не поняла, извините, госпожа.

– ВГСы – временные гражданские сооружения. Бараки с мышами и тараканами вроде тех отвратительных жилищ, в которых живут наши бедные соседи – таплы.

– О, святой Яйнен! – пробормотала ведунья.

– Мне плохо в том мире. Тоскливо, одиноко.

Императрица замолчала, перебирая шёлковую ткань шарфа.

– Вы никогда не говорили про эти ужасные сны, госпожа, – с сочувствием произнесла ведунья.

– Да, никогда. Но теперь, накануне свадьбы, я решилась. Эти сны меня удручают, мешают жить. Нужно что-то делать, как-то повлиять. Ты это можешь?

– Нет, – не колеблясь ни секунды, ответила ведунья.

– Жаль.

Ретильетта задумалась, затем спросила:

– А ты можешь выяснить, откуда приходят эти сны? Из прошлого или из будущего?

– Да, это я могу.

Трольесса придвинула к императрице столик с золотой, янтарной и костяной инкрустацией, и подала ей серебряный гадальный стаканчик.

– Встряхните, госпожа, и высыпьте камни на столешницу.

Когда прыгучие чёрные камни остановились, ведунья склонилась над столиком. Вздохнув, сказала:

– Моя госпожа, эти сны приходят из будущего.

– Из будущего? Ужас! Всё то, что мне иногда снится, придётся пережить день за днём, час за часом?

– Увы, моя госпожа. Нужно будет набраться терпения. Я готовлюсь к тому, что в следующей жизни буду прислугой в доме богатых скупых фермеров.

– Тебе тоже снятся такие же ужасные сны? – удивилась

Ретильетта.

– Да, госпожа. Моя кожа будет тёмной... – ведунья посмотрела на свои белоснежные руки.

– Ой, как плохо!

– Нужно будет терпеть, моя госпожа.

– Может быть, всё-таки можно как-то повлиять, что-то изменить? – спросила императрица. – Хотя бы незначительно...

– Нет, к сожалению. Никто, нет такой ведуньи, которая могла бы повлиять на незыблемый закон «Качелей», в простонародье – закон «Густо-пусто». Никому не дано изменить в нём хотя бы одну букву или цифру. Нужно смириться с тем, что вслед за роскошной жизнью последует убогая, за беззаботной – хлопотная. Ваша следующая жизнь, госпожа...

– ... будет безрадостной, – договорила Ретильетта и тяжело вздохнула. – Я уже знаю, что меня ждёт.

*

Сон Натальи прервал звук, похожий на стрекотание цикады. Она открыла глаза, нажала на кнопку будильника, затем спрятала руку под одеяло. В комнате было прохладно, стоял полумрак. За окном, медленно кружась, падали крупные снежинки. В течение ночи на подоконнике скопился снег. На общей кухне за тонкой стенкой кто-то без усталости гремел алюминиевой посудой.

ГНЕВ ЗЕВСА

«Зачем он в наш колхоз приехал? Зачем нарушил мой покой?» – пропела певица, после чего радио поперхнулось и замолчало. Двигатель заглох.

– Нет, нет! – произнесла Ирина, посмотрев на тёмную панель приборов. – Только не это! Так нельзя!

Она съехала на обочину развилки трёх дорог и, после того, как машина остановилась, несколько раз повернула ключ зажигания, приговаривая:

– Давай, заводись. Заводись, девочка моя. Нам нельзя тут стоять. Поехали! Ты ведь послушная и трудолюбивая. Поехали, красавица моя, домой.

Её уговоры не произвели на «послушную красавицу» должного впечатления. Юркая машина превратилась в безмолвную конструкцию.

– Спасите наши души, – пробормотала Ирина, достала смартфон и стала нажимать на кнопки. Телефон тоже не проявил признаков жизни.

– Это уже слишком! И что теперь делать?

Ирине вдруг стало беспокойно. Небольшое село, в котором жила её бабушка, находилось позади в десяти километрах. До оживлённой трассы нужно было ехать километров пять. Она оказалась одна-одинёшенька на развилке посреди полей, засеянных озимыми.

«Только не нужно паниковать, – успокаивая себя, подумала девушка – Мир не без добрых людей. Сейчас кто-нибудь из селян будет возвращаться из города, возьмёт меня на буксир... Переночую у бабушки. Позвоню домой, чтобы не волновались. Всё будет хорошо».

Ирина вышла из машины. Сельская дорога была пуста. По небу бежали тёмные тучи. Сильный ветер колыхал из стороны в сторону высохшую придорожную траву. Неподалёку от машины стоял дорожный указатель с табличкой: «Петушки. 10 км. Севрюгино. 17 км».

«Нужно было взять с собой Бурбона, – надвинув на лоб вязаную шапочку, подумала Ирина. – Жалко, что бабушка его недолюбливает, называя сыном Цербера. По-моему, очень хорошая сильная, смелая и умная собака. Я сейчас почувствовала бы себя намного спокойнее».

Она вздохнула, посмотрела на машину и подумала:

«Нет смысла поднимать капот. Во-первых, сильный ветер. Во-вторых, что толку смотреть на двигатель, устройство которого для меня дремучий лес. Не хочется оказаться героиней очередного анекдота про блондинок».

Глядя по сторонам, Ирина пару раз притопнула, затем, подумав, несколько раз подпрыгнула, размахивая руками. Поёжилась и отвернулась от дующего в лицо ветра. И тут увидела, что со стороны трассы к ней приближалась большая чёрная машина.

Подъехав, машина остановилась. На дорогу вышел моло-

дой мужчина в джинсах и лёгкой синей рубашке. Ветер во-рошил его густую русую шевелюру, трепал рубашку, но муж-чина не горбился и не ёжился. Он приближался, рассматри-вая лицо Ирины.

«Не знаю, кто такой, – подумала девушка. – Высокий, крепкий. По-моему, очень симпатичный. И выправка, как у военного. Не сельский парень, это точно».

Он подошёл и произнёс мягким баритоном:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответила она, приветливо улыбнувшись.

– Серьёзная поломка?

– Вроде бы, да. Всё выключилось, двигатель заглох.

– Ключ в замке?

– Да.

Он сел за руль, пробежал взглядом по панели приборов, повернул ключ в замке. Затем вышел, встал рядом с Ириной, прикрывая её от порывов ветра, и сказал:

– Запасного блока управления двигателем у вас наверняка нет.

– Увы, я не знаю, что это такое, – ответила Ирина.

– В принципе, это компьютер. Нужно отбуксировать вашу машину на СТО.

– Было бы хорошо, но у вас, наверно, дела...

– Дела подождут.

Из чёрной машины вышел невысокий человек, очень по-хожий на вождя мирового пролетариата.

– Савельевич, поедем на СТО, – сказал ему молодой мужчина. – Достань буксир, пожалуйста.

– Я понял. Бу сделано, – ответил лысоватый мужчина и улыбнулся светлой улыбкой Ильича. – Бу сделано.

«Мне повезло, – подумала Ирина. – Хорошие люди».

– Вы не возражаете, если Савельевич сядет за руль вашей машины? – спросил молодой мужчина.

– Ну... в общем... не возражаю.

– Вы, я вижу, продрогли. В моей машине тепло. Есть термос с горячим кофе. Вы быстро согреетесь.

«Почему-то я ему доверяю, – подумала Ирина. – Приятный голос. Смотрит в лицо, а не туда, куда обычно смотрят бегающими глазами молодые парни... Представительный. Уверенный в себе... Кстати, обручального кольца нет».

– Хорошо, – согласилась она. – Идёмте в вашу машину.

– Как вас зовут?

– Ирина.

– Борис.

– Идёмте, Борис. Вы тоже, наверно, уже замёрзли.

*

СТО находилась в полукилометре от трассы. В просторном ангаре были и смотровые ямы, и подъёмники, и мойка.

Савельевич переговорил с мастерами, а затем исчез. Ирина и Борис поднялись на второй этаж по лестнице, над кото-

рой висела табличка «Кафе», и сели за столик.

– Большое вам спасибо, Борис, – сказала Ирина, доставая смартфон. – Вы не знаете, как долго продлится ремонт?

– Самое большое – минут десять, – ответил Борис. – Савельевич объяснил мастерам, какой агрегат нужно заменить, и они поняли, что вариант с заменой лопнувшего радиатора и сгоревшего генератора не пройдёт.

– Он разбирается в машинах?

– Да. Савельевич, можно сказать, стоял у истоков зарождения автомобилестроения.

– Выглядит он намного моложе, – улыбнувшись, сказала Ирина.

– Согласен.

«Тогда не нужно звонить домой, – подумала Ирина, глядя на экран, вспыхнувший голубым светом. – Зачем давать повод папе нервничать? Я скоро буду в городе».

– Борис, я взяла с собой всего несколько тысяч, – чувствуя неловкость, сказала девушка. – Не знаете, во сколько обойдётся ремонт?

– Не нужно волноваться. Савельевич уже оплатил.

– Нет, позвольте...

Подошла официантка и спросила:

– Что-нибудь закажете?

– Бабушка недавно накормила меня блинами, – произнесла Ирина.

– Пожалуйста, бутылку минералки, – сказал Борис.

Затем он спросил:

– Ирина, мы можем перейти на «ты»?

– Да, конечно, – согласилась она. – Я хочу сказать, что оплачу ремонт. Сберкарта есть...

– Забудь, Ирина. Чем ты занимаешься?

– Я – модельер. Хозяйка небольшого ателье по пошиву женской одежды. Пока грех жаловаться... дела идут хорошо.

– В какого бога ты веруешь?

– Я христианка. Крещёная.

– Бог Зевс, конечно же, тебе известен.

– Да, читала мифы. Тиран, громовержец и аморальный тип.

– Всё верно. Я хочу рассказать тебе одну историю...

– Про богов-олимпийцев?

– Да. Можно?

«Боже мой! – подумала она. – Это катастрофа! Я чувствую, что не хочу с ним расставаться! Что-то странное творится в душе – это то ли волнение, то ли умиротворение. Никак не могу понять, что со мной происходит».

Она кивнула в знак согласия и ответила:

– Да, расскажи.

– Однажды Зевс забрёл во владения Борей – своего племянника. Я говорю про сына Посейдона, – уточнил Борис. – Борей не так давно женился на Мире – самой красивой девушке из пантеона богинь. Они жили в согласии и были уверены, что их счастье продлится вечно. Изрядно выпив весе-

лящей жидкости, Зевс пожелал, чтобы Борей проводил его домой. А по пути предложил племяннику прогуляться по кущам женской половины Олимпа в поисках приключений. Искать приключения в кущах Борей отказался.

– Хочешь показать, что ты лучше меня?! – вскричал главный бог. – Идём, или я не на шутку разозлюсь!

Но Борей был непреклонен.

– Я предан своей жене, – ответил он.

– Похваляешься своей верностью? – распалившись, крикнул Зевс.

– Не похваляюсь, дядя. Я люблю Миру.

– А вот я посмотрю, надолго ли тебя хватит! Низвергну твою жену на Терру и превращу её в смертную! – воскликнул Зевс. – И будет она увядать на твоих глазах! Ты либо отвернёшься от неё, либо падёшь передо мной на колени, вымаливая прощение!

– Какой жестокий бог, – сказала Ирина.

– Да, согласен, – ответил Борис. – Зевс так распалился, что привёл в исполнение свою угрозу. С тех пор Мира много раз рождалась на Земле и умирала, а верный Борей каждый раз был её мужем.

– Как ему удавалось её находить? – спросила Ирина. – Земля такая огромная...

– Он – бог. Он всегда знал, где она жила, слышал биение её сердца и понимал, когда билось сердце новорождённой малышки, когда маленькой девочки, а когда юной девушки.

– Какая печальная история, – произнесла она.

– И, тем не менее, они прожили вместе много счастливых жизней. Если бы они не любили друг друга до самозабвения, не было бы ни садов Семирамиды, ни Тадж-Махала, ни индийского города Махабалипурамы, ни дворца царицы в Чичен-Ице, ошибочно названного Храмом Девственниц.

– Как давно это было! Прошли века!

– Мира родилась в очередной раз, выросла... Я слышу биение сердца девушки. Иногда твоё сердце волнуется. Пришла пора внести ясность.

Он замолчал и внимательно посмотрел на неё.

– То есть? – растерявшись, спросила Ирина.

– Я боюсь, что ты полюбишь кого-нибудь другого. Я не нахожу себе места каждый раз, когда ты достигаешь совершеннолетия.

Девушка обомлела. После долгого молчания спросила:

– Извините, Борис, вы не знаете, как скоро отремонтируют мою машину?

Он положил руки ладонями вверх и предложил:

– Положи свои ладони на мои и закрой глаза. И ничего не бойся. Никогда не посмею тебя обидеть... Никогда не допускал ничего подобного.

– Нет, вряд ли я поступлю правильно...

– Пожалуйста, не бойся. Ты всё увидишь и поймёшь.

– Это шутка? Я уверена, что ничего не произойдёт.

Он терпеливо ждал.

«Это не опасно, – подумала Ирина. – В кафе полно людей. Есть крепкие парни. Помогут в случае чего. Хотя не похоже, что у Бориса проблемы с психикой или вообще с мозгом. Такие добрые глаза... Неужели он говорит правду? Вообще-то, в голове не укладывается».

– Ну, хорошо, – пожав плечами, согласилась Ирина.

Его ладони были сухими и тёплыми. Как только их руки соприкоснулись, Ирина увидела цветущие деревья, над которыми возвышались крыши зданий. Её сердце радостно затрепетало. Этот мир был ей знаком! Она тут жила! И была женой сошедшего с неба могущественного бога! Единственной любимой женой!

По тропинке к ней шёл мужчина. Ирина узнала его! Это был Борей! Борис! На его плече сидела маленькая девочка – их дочь Паллада.

– Где вы гуляли? – услышала Ирина свой голос.

– Ходили к озеру, – ответил Борей. – Смотрели на красных рыбок.

– Смотрели на класных лыбок, – повторила голубоглазая девочка, широко улыбаясь.

– Не устали?

– Нет! – в один голос ответили муж и дочка.

– Хорошо. Идёмте завтракать.

Она не сразу поняла, где находилась. Ярко светили плафоны. Из-за стеклянной перегородки доносились мужские голоса. Позвякивали железки. Пахло выпечкой и кофе. Из динамиков доносился голос: Кэти Перри пела про отважную покорительницу джунглей.

– Где моя дочка, Борей? – спросила Ирина, чувствуя, что к горлу подступил комок.

– Паллада? Она прожила под моим присмотром долгую счастливую жизнь.

– Господи! Наверно, у нас были ещё...

– Да, у нас было много детей. Скоро ты всё вспомнишь.

– Боже мой! – произнесла Ирина и заплакала.

– Я рад, что мы снова вместе, – сказал Борис, подавая ей платок. – Я всегда буду любить только тебя, Мира. И мы опять проживём интересную жизнь. Скорее Зевс падёт на колени, прося у нас прощения...

– Ой, мамочка. Кто я? – тихо сказала она и прикрыла лицо платком.

НАЧАЛО

Поначалу вообще нигде ничего не было. Отсутствовала даже пустота. В общем, недострой в невероятно скандальном варианте.

Увидел Творец этот беспорядок, и изрёк:

– Истину говорю: я разочарован! Вот вам тёмная материя

– невидимый архитектор, и сингулярная точка, из которой всё вспучится и затвердеет. Отсчёт пошёл! Да будет жизнь!

И грянул Большой взрыв. Мгла исчезла, и увидел Бог, как в бесконечной Вселенной стали вспыхивать звёзды.

– Начало мне нравится! – произнёс Создатель, отмахиваясь от вредного для здоровья зелёного реликтового излучения. – Посмотрю, что будет дальше. Подожду пару миллиардов лет. Или чуть больше – пяток миллиардов. Какая разница? Я всё равно никуда не спешу.

*

– Фу-фу! Тьфу-тьфу! – изрёк Творец, прогуливаясь по поверхности огромного раскалённого шара. – А тут, как я погляжу, получилось нечто неудобное: и грязно, и жарко. Сандалии уже дымятся. Буду исправлять чьи-то грубые недочёты. Прежде всего, нужно охладить вселенское пространство до абсолютного нуля. Минус двести семьдесят с гаком градусов – это не шутки! Пусть шар остынет, и на его поверхности появятся материк Пангея со складками местности, океан Тетис, моря, озёра, реки, болота. Да будет так! Я сказал!

*

– Эй, тут кто-нибудь есть?! – спросил Создатель пространства и времени, а также всего сущего, прогуливаясь по

безжизненному берегу мёртвого моря – водоёма, в котором, остывая, всё ещё булькал кипяток. – Что, никого нет? Со всем никого? Странно. Почему не функционирует моя программа «Панспермия», направленная на зарождение жизни на каменных планетах и газовых гигантах? Куда летят кометы и астероиды, нафаршированные микробами, бактериями и прочей антисанитарией? Я вас спрашиваю!

Выслушав многократно повторившееся эхо: «Ваю, ваю, аю, аю...», вздохнул Творец и задумчиво изрёк:

– Всё приходится делать самому. Ладно, приступим. С чего лучше всего начать? Мезозой, что ли, устроить? Хотя, нет – мелковато. Каменно-угольный период? Нет, не то – грязновато. Может быть, ничтоже сумняшеся, сотворить нефтегазовую эру? Нет, нефтегазовая – это тоже не фонтан. Ладно, начну с микробного мизера, а там видно будет.

*

– Ну, и как вы тут поживаете? – поглаживая окладистую бородку, спросил Творец, прогуливаясь по безымянной планете. – Эй! Ау! Где этот мизер? Никого не вижу. Где эти бактерии и микробы? Обещали, что будут делиться и отпочковываться, но я не вижу бурного деления. Не нужно мне очки втирать! Вы мне хоть микроскоп вотрите... А ведь это идея! Где мой электронный микроскоп?

– Ага, попались-таки! – радостно изрёк Создатель, рас-

смаатривая при помощи мощной оптики содержимое капли росы. – Вот вы где! От меня никому никуда и никогда не удастся спрятаться! Всё знаю, вижу и слышу! Да будет так во веки веков!

*

Понаблюдав в течение ста миллионов лет за процессами деления и отпочкования, Творец зевнул и изрёк:

– Вообще-то, конкретная дребедень! Это я понял ещё семьдесят миллионов лет назад. Ни романтики, ни азарта. Всё втихую, как в доме престарелых. Срочно нужно переходить на более высокий уровень. Вот сотворю всяких козявок, букашек и ящерок. А ещё всяких стрекоз и кузнечиков. Чтобы пришёл на работу, зачерпнул кружкой минералки из гейзера, лёг на софу, а вокруг всё порхало, жужжало, стрекотало и бегало. Вот это настоящие райские будни! Живите и плодитесь, мои букашки! Да будет так!

*

– Хватит уже! – возопил Создатель. – Что вы всё время бегаете, прыгаете, порхаете и стрекочите, словно оглашенные? Жизнерадостные бестолочи! А поговорить? Мозгов нет, что ли? Если нет, зачем вы мне нужны? Кыш отсюда! Что, неужели неразборчиво сказал? Тогда брысь! Пошли вон! Смотри,

какие наглые! Делают вид, будто русский язык не понимают! Вот паршивцы! Саранча пузатая! Чтоб вы окаменели! Чтоб вы превратились в ископаемых! Чтоб вас янтарь забрал!

Размахивая полотенцем и обильно орошая всё вокруг ди-хлофосом, Создатель выгнал букашек из лаборатории и облегчённо вздохнул:

– Фу! Таки управился! Слава мне! Больше с насекомыми связываться не буду. Пусть делают, что хотят, если здоровья хватит. Моя душа желает чего-нибудь такого эдакого типа мелодрамы или боевика в 3Д формате. Создам всяких ихтиозавров, плезиозавров, архозавров, короче, целую армию динозавров. Посмотрю, кто кого сожрёт, кто чьё яйцо раздавит. Да будет триллер, в смысле, да будет так!

*

Проводив угрюмым взглядом стадо медленно бредущих тупых длинношеих диплодоков, Творец разочарованно вздохнул и произнёс:

– Какой кошмар! Шестьдесят шейных позвонков! Длина – двенадцать метров! А мозг как у кошки! Хотя, это не самое худшее. Воистину опасно следующее: пройдёт масса времени, прежде чем мозг получит сигнал, что нога наступила на колючку... И как я умудрился создать этих тварей? Наверно, был не в настроении.

Затем его взору предстали проворные велоцирапторы, ко-

которые стаями подбирались к диплодокам. Не дожидаясь кровавой кульминации, Творец изрёк:

– Хватит уже! Надоело! Почему всё время один и тот же сюжет: убивать, жрать и спать? Что за ерунда такая? А сотворить что-нибудь типа фестиваля молодёжи? Слабо?

Подождав пару миллионов лет, Творец спросил:

– И почему до сих пор пишите, а не изъясняетесь? Просто так бегать по Пангее, задрав хвост, любой дурак может! Будто у меня больше нет дел во Вселенной, как наблюдать за вашей беготнёй! У вас есть ощущение высшего предназначения или нет? Отвечать, когда я спрашиваю! Бегают без толку туда-сюда, сломя голову, без малого сто пятьдесят миллионов лет! Что за безобразие? Зачем мне это нужно? Кстати, вы хотя бы поняли, что материк Пангея раскололся, и теперь вы бегаёте по двум материкам – Гондване и Лавразии? Не поняли? Кошмар! Конкретно на планете обосновались придурки!

Тяжело вздохнув, Творец продолжил:

– Ладно, подожду ещё пяток миллионов лет, может быть, дождусь какой-нибудь захудалой эволюции... Хотя, если честно, я уже совершенно разуверился в том, что грядёт прогресс. Надежда на лучшее – колыбельная для дураков. Пока для прогресса нет ни малейших предпосылок. Динозавры, они и в Гондване и Лавразии динозавры. Минула прорва времени, а они даже разговаривать не научились! На худой конец могли бы научиться кукарекать или гавкать, чтобы я

не придирался! Ни на что не способны, бездари! И мелодрамы у них какие-то тусклые: ни тебе прологов со вздохами и комплементами, ни кульминаций на закате дня под пальмами на пляже, ни потрясающих развязок – суда с приговором о принудительном удержании алиментов. Не умеют динозавры роскошно жить! Тьфу!

*

Наконец Великий Творец не выдержал, и над планетой зазвучал его громopodobный голос:

– Хватит! Закончилось моё терпение! Смотреть больше на вас не могу! Конкретно вы меня достали, стегозавры длиннохвостые, центрозавры однорогие! Бегают дурни по Лавразии и Гондване, выпучив глаза, и никаких изменений! Сколько Великих вымираний нужно устроить, чтобы вы помнели? Два, три? Как были динозаврами, так ими и остаётесь! Вот сотру вас с лица планеты!

Подождав немного и убедившись, что никто из динозавров не притормозил, чтобы разобраться, в чём, собственно, дело, и никто из птерозавров не обмер на лету и не рухнул в кусты, Творец вздохнул и изрёк:

– Бестолочами были, бестолочами канут в Лету. И кто меня надоумил их создать? Эх, горе! Опять придётся что-то выдумывать. Но прежде нужно избавиться от этих толстокожих тварей ...завров, а их дихлофосом не выведешь. Тут

нужно применить крайне разрушительную силу. Чтобы одним махом «Тресь!», и все яйца и икра – всмятку. Или чтобы эти твари в один момент замёрзли или окаменели. Вот и думай теперь, как с ними бороться!

В это мгновение, с шипением пронзив атмосферу, в поверхность планеты врезался добела раскалённый крупный астероид.

– Ага! – изрёк Творец. – Дождались-таки! Наконец-то прилетела та глыба, которая должна была участвовать в моей программе «Панспермия»! Фу, сколько пыли! Припозднилась, конечно, разносчица бактерий, а посему выполнит совсем не ту функцию. Хотя, нет худа без добра. Или добра без худа... А сквознячок, в смысле – перемещение воздушных масс, делает своё дело. Чувствую во рту привкус иридия и молибдена – кометных присадок. Пусть эти глупые ... завры травятся редкими на планете химическими элементами, а я тем временем подумаю, как жить дальше... Кстати, заметно похолодало. Солнце скрылось за тучами. Дело идёт к зиме, что ли?

*

Посмотрел Создатель на бедлам, который остался после Великого ледникового периода, и изрёк:

– Так! И узрел я, что исчезли динозавры! Опустела твердь земная... Вообще, что ли, никого не осталось после голод-

ного затяжного периода «Земля-снежок»? Или же... Минуточку, минуточку! Кто там у нас копошится? Мыши, кроты, землеройки всякие, свиньи? Короче, млекопитающие. Сгодится! Вот дам я вам деревья и загон! Как хотите, отращивайте длинные хвосты и учитесь лазать по деревьям! А потом нареку я вас обезьянами! Всё, я сказал! Возражений не терплю! Время пошло!

*

Да не тут-то было! Никто не смог переродиться, потому что сам Великий Творец однажды придумал главного угрюмого жандарма, отвечавшего за продолжение вида – ДНК вкупе с прочими хитроумными штучками.

– Как это я забыл, – почесав затылок, изрёк Творец. – Ладно, тогда мы пойдём другим путём. Есть кое-какие задумки. Для начала создам райские кущи в Междуречье и каждой твари по паре. А затем... если честно, надоело произносить монологи. Хочется общения. Нужно сотворить такое чудище, чтобы не было у него этого опостылевшего задранного хвоста. Это один. Чтобы могло оно не только слушать, но и говорить. Это два. И чтобы говорило оно внятно и рассудительно. Это три. И чтобы были у этого чудища возвышенные чувства. Это четыре. Исходя из этого, хочу вот что: если надумает чудище сотворить изящную мелодраму, все нюансы должны быть на высшем уровне до такой степени, чтобы я

плакал навзрыд и от избытка эмоций грыз полу хламиды!

Задумался Создатель, затем изрёк:

– Только я могу создать в одиночку гениальную мелодраму, чудище с такой задачей не справится. Значит, понадобится пара чудищ. Задумка, конечно, просто гениальная, но... зачем спешить? Пока создам один опытный образец, а там посмотрим. Итак, прежде всего, набросаю словесный портрет. Голова, голова... пожалуй, должна быть одна. Трёхглавого Змея Горыныча я уже создал. В общем, голова, туловище, две руки, две ноги – нечто среднее между медведем и хомячком. С таким расчётом, чтобы в случае чего можно было без проблем вытравить это чудище дихлофосом. Это пять. Да будет так!

И появился в райских кушах человек. Даже сам Великий Творец не понял, какую вопиющую ошибку он допустил.

КРАНТЫ ВАВИЛОНУ

И увидел Бог, что люди, ещё вчера жившие в пещерах, смогли таки постигнуть самые мизерные технические премудрости, вследствие чего чрезмерно возгордились и обнаглели. Наглее всех были вавилоняне, а самыми наглыми среди них были возничие, которые и днём, и ночью с гиканьем носились по улицам города в дребезжащих колесницах. Не менее наглыми были строители, которые, поддавшись искушению Вельзевула, без усталости возводили невероятно высо-

кую башню – зиккурат.

Решил Бог положить конец и гиканьям возникших, и визжащим истошным крикам прорабов на богомерзкой стройке. Что-что, а переполох в виде Большого Взрыва и коварных ловушек – чёрных дыр, Бог умел устраивать.

«Поучительной истории с Содомом и Гоморрой им достаточно, – подумал всемогущий Бог. – Повторений быть не должно. Нужно сотворить что-то новенькое. Сделаю я на этот раз вот что...»

Поутру 1 апреля 6666 года от Великого потопа началась в Вавилоне неразбериха. Все жители пришли в смятение из-за того, что стали произносить странные слова, смысла которых не понимали.

Шумная стройка зиккурата замерла, потому что никто не понимал, что такое «вира», что такое «майна», и как с ними нужно было обращаться.

Колесницы простаивали потому что клиенты предлагали возникшим оплату в тугриках, кванзах и накфах. Возничие даже не хотели смотреть на какие-то «левые» цветные бумажки типа фантиков.

Торговля, которая всегда приносила хороший доход, резко почилла в Бозе. Деловые и экономные домашние хозяйки, которые ещё вчера твёрдо знали, что, где и почём, увидели на прилавках цены в каких-то тенге, бырах и паангах. Торговцы не хотели продешевить. Хозяйки точно знали, что обменных валютных пунктов в природе пока не существует. Поневоле

образовались два враждующих лагеря.

Резко пошатнулись семейные устои. И это было обосновано! Вряд ли какой-нибудь супруге могло понравиться обращение главы семейства: «Эй, майнэ гатина!» И вряд ли какой-нибудь супруг пропустил бы мимо ушей ответ суженой. «Йа, майн хэр!»

В полдень до крайности раздосадованные жители Вавилона вышли на главную площадь, размахивая плакатами, на которых красовались никому не понятные каракули.

Не в шутку озабоченный Главный жрец размашисто перекрестился, трижды плюнул через левое плечо и вышел на трибуну, на которой красовалась глиняная табличка с клинописью: «Белый храм», которую, кстати, уже никто не мог прочесть. Жрец широко раскинул руки и поприветствовал собравшихся:

– Хай, дамэн унд хэрэн!

После чего прикрыл рот рукой и обвёл толпу крайне удивлённым взглядом.

И тут о своём присутствии дали знать несколько «подвижников». Подвинув – растолкав локтями толпу, к трибуне с архаичной надписью приблизились уважаемые мускулистые, коротко подстриженные вавилоняне. Из-под их туник выглядывали наколки. Эти труженики недавно вернулись из длительных командировок, и от серой толпы их отличало то, что они были хорошо дисциплинированными: даже во время полной неразберихи продолжали носить закреплённый за

ними остро отточенный садовый и строительный инвентарь.

– Ты чё сказал, халдей? – спросил жреца широкоплечий садовник с золотой цепью на шее, доставая из-за пояса сапёрную лопатку. – Кто тут хэрэн?

– Так это... – произнёс побледневший жрец – Вообще-то, я хотел сказать: «Привет, дамы и господа», а получилась какая-то дребедень.

– И чё теперь?

– Так это... я исправлюсь. Зуб даю. Сейчас соберусь с мыслями...

– Давай, собирайся и исправляйся.

Жрец глубоко вдохнул, улыбнулся побелевшими от волнения губами и громко произнёс:

– Ни-мэнь хао! Джун-ву хао! Нет, не так. Хэнь гао-син! Вот, блин... Сейчас, сейчас. Дзень-дао нинь!

Сказав это, жрец замолчал, затравленно посмотрел на уважаемых вавилонян в законе и пробормотал:

– Видит Бог, я хотел сказать: «Здравствуйте, добрый день. Рад вас видеть».

– Похоже, издевается. Пора кончать... митинг, – сказал коротко подстриженный строитель, поигрывая остро заточенным шпателем.

– Мне в голову пришла подобная мысль, – сказал второй строитель, приподнимая лом.

– Подождите, – сказал садовник с золотой цепью. – Видите, халдей старается, но не получается. Бывает.

– Да, не получается, не получается, – поспешно согласился жрец. – Бывает, бывает.

– А чё так? Ты плохо себя чувствуешь?

– Да, бу-хао, – согласился жрец. – Тьфу! Я хотел сказать, что мне плохо...

– Нам тоже плохо, – осклабившись и показав изумрудный зуб, сказал садовник с золотой цепью. – Мы вчера тоже допоздна бу-хао, бу-хао, а на похмелье нет ни рупий, ни крон, ни юаней. Кстати, ты чё, халдей, китаец?

– Китаец, китаец.

– А в Вавилоне чё делаешь?

– Так это... паству наставляю.

– Мы, в принципе, тоже наставляем. Слышь, халдей, чё за дела творятся в славном граде Вавилоне? Ты ведь, как нам кажется, ближе к Богу, чем мы. Или нет?

– Ближе, ближе. В халдейском техникуме учился...

– Понятно – умный. Может быть, поэтому тебя так круто плющит... Объясни, что происходит, если сможешь, конечно.

– Так это... амба... кранты!

– Кранты? А кому?

– Славному граду Вавилону, само собой.

– А чё так? Мы типа вернулись на свои рабочие места в контору, намереваясь продолжить благоустройство города, на досуге хотели вдоволь поесть фирменного мороженого с клубничкой, а тут... такой бардак! Шо це такэ?

– Так это... пока вы заготавливали на Чукотке лёд для того самого фирменного мороженого, у нас завелись бракоделы. Зодчие стали допускать брак в арбайт... тьфу, в работе.

Многотысячная толпа тружеников возмутилась и стала стучать касками и плакатами по чему ни попадя.

– И чё? – спросил садовник после того, как толпа, выпустив пар, поутихла.

– Так это... статуи и стелы стали ставить абы как, а не по понятиям. В смысле, не по фен-шую. Все от малого до великого стали требовать памэн эт цирцэнсэс... тьфу! хлеба и зрелищ вместо того, чтобы ходить в библиотеки, хореографические кружки, учиться на курсах строительства папирусных лодок. Вот Бог на нас и разозлился. И обрушил на нас кару невиданную.

– И чё?

– Так это... дзай-дзень, в смысле, до свидания! Кошмар! Что я говорю?

– Кое-что понять можно. Нам, что ли, дзень?

– Нашим мозгам. Предчувствую, что к вечеру... к сэвн эклок совершенно перестанем мы понимать друг друга. Фэрштэйн?

– Йа, йа, натюрлих! – отозвался кто-то из горожан. – Вот шайтан! Что я сказал?

– Вот видите, – обречённо произнёс жрец. – Не ведает хлопец, в смысле, ковбой, что говорит. Заговаривается, как и я. И это только начало.

В то время, как огромная толпа пациентов с пошатнувшейся психикой, волнуясь, ждала, чем закончится импровизированный консилиум уважаемых психоаналитиков, самый нетерпеливый олигарх – краснощёкий упитанный деятель – бочком придвинулся к трибуне и спросил:

– Может быть, стоит попробовать уладить это недоразумение? В моей практике бывали ситуации не менее сложные. Есть люди, которые подскажут, как прошмыгнуть, проскользнуть, обойти... Ауру квэкви януа пандитур.

– Чего? Какие ещё «бандитур»? – набычившись, спросил вавилонянин с цепью.

– Нет, нет! Не знаю! Я хотел сказать, что золото открывает все двери. Квэкви! Пандитур!

– Уже слишком поздно! Акта эст фабуля! – ответил жрец и вздохнул. – Я хотел сказать, что пьеса уже сыграна... Как мне бу-хао, в смысле, плохо! Проклятие набирает силу. К тому же, Бог не меняет своих решений. Разве вам это не известно?

Вавилонянин с золотой цепью отвесил олигарху солидный подзатыльник и сказал:

– Ты кого решил подкупить мизерной мздой, паства? Самого Бога? Того, кому принадлежит... Виа Ляктеа... Млечный Путь со всеми потрохами?

А затем, осознав, что заговорил на латыни, он удивлённо поднял брови и нервно хохотнул:

– Ха-ха! И до меня добралось это проклятие. Твою мазэ...

тьфу... энд грандмазэ! И чё теперь делать, халдей? Объясни и нам, и пастве ситуатион...

– Попробую, да получится ли? – пробормотал жрец и громко сказал. – Дамен унд хэ... господа! Электорат! Эквити унд плебеи! Фатум, однако! В смысле, это перст Божий! Город проклят!

Толпа устремила взгляды в сторону широко распахнутых Синих ворот. Каждый вавилонянин знал с молодых ногтей, что Главный жрец был ближе всех к Богу и имел платный доступ ко всем сокровенным тайнам бытия. Его изречения и откровения не оспаривались даже на малых кухонных митингах.

– И чё делать? – прозвучал вопрос в полной тишине.

– Так это... бежать нужно от проклятия.

– И таки куда бежать, халдей?

– Туда, куда весной летят птицы! – подумав, ответил жрец. – Птицы знают, где находятся благодатные края! Днём идите так, чтобы тень лежала прямо перед вами! Ночью идите на Полярную звезду! Короче, идите! Не тяните резину, поторапливайтесь! Скоро мы вообще перестанем понимать друг друга! До свидания! Дзай-дзень! О рёвуар! Гутэ райзэ, в смысле, счастливого пути! Гудбай! Гуд лак!

Вавилоняне, не понимая, слушали его, раскрыв рты и не двигались с места. Тогда Главный жрец крикнул:

– Атас, пацаны!

Эту фразу поняли все и тут же бросились врассыпную.

– Агас! Вира! Гоу, гоу! Шнель! Сваливаем! – ворвавшись домой, закричали мужчины, торопливо бросая в дорожные баулы свои носки, трусы и галстуки. – Майнэ фрау, ты знаешь, где лежат мои зимние кальсоны и меховая шапка?

– Найд!

– Ну и шайтан с ними! Куплю всё новое где-нибудь по дороге! Погнали, погнали!

Выбежав с баулами из города, мужчины побежали на север.

– Найд! – глядя им вслед, сказали мудрые блондинки, и пошли на юг, влача домашний скарб и детей.

Как только люди ушли, а домашние очаги потухли и остыли, некогда пёстрый и шумный город Вавилон превратился в пыльные развалины.

ВЫСШЕЕ СОБРАНИЕ

Отсутствие на столах эля, медовухи, пива и покрытых плесенью заморских закусок насторожило и легендарных вальяжных лидеров, прибывших на собрание, и второстепенных суетливых персонажей – сатиров. Приветствия и комплементы звучали довольно вяло. Взъерошенный вид Главного Распределителя Должностей усилил чувство дискомфорта.

– Все в сборе? – спросил Главный и, не дожидаясь отве-

та, добавил. – Тогда сели! Давайте, давайте! Не нужно толпиться и ощупывать спинки кресел. Слепотой вы не страдаете, это мне известно. Не пытайтесь меня разжалобить. Сели, я сказал! Вот так! Расшаркиваться сегодня перед вами не стану – не то настроение. Не услышите вы ни «Здравствуйте, уважаемые дамы и господа», ни «Присаживайтесь, будьте любезны», ни «Пейте и закусывайте на здоровье».

Услышав последнюю фразу грозного начальника, забившиеся в угол синие водяные лукаво усмехнулись, посмотрев под стол на заранее принесённый баллон с мутной жидкостью.

– Почему не услышите? – продолжил Главный. – Потому, что вчера меня вызвали на ковёр на самый верх и устроили Содом и Гоморру. И вовсе не потому, что я развёлся с вышедшей в тирах женой и теперь провожу время с молодой одалиской, сбежавшей из гарема. Не во мне причина, а в вас, «великие мастера своего дела»! Именно в вас! Что из этого следует? Поскольку всем известно, что за каждым выстрелом неминуемо следует отдача... Поняли? Хорошо. Раздам я сегодня всем сёстрам по серьгам! Однозначно раздам! И не радуйтесь, Сирена Аполлоновна, Сирена Гермесовна и Сирена Урановна! Эти серьги не имеют ничего общего ни с дорогими ювелирными украшениями, ни с дешёвыми побрякушками. В этом вы сегодня убедитесь.

Главный громко откашлялся и продолжил:

– Итак! Сначала обратим наши взоры в заоблачные выси!

Кто там у нас сияет? Там у нас сияет некто Зевакин. Встаньте, Зевакин, чтобы все вас увидели! Все видят этого Зевса? Вроде бы солидный мужик...

– Почему «вроде бы солидный»? – произнёс импозантный Зевс. – Я уже не спрашиваю, с какой стати «мужик»?

– С такой! Вам, Зевс, руководство вручило все мыслимые и немыслимые новинки военной техники плюс прекрасную жену Геру в придачу. Вам было предложено трудиться на благо мифологической истории. Вы подписали контракт и воссели в дорогостоящее фиговое кресло. И что?

– Ну, и что? – буркнул Зевс.

– А то! Что вы устроили в живописных отрогах Олимпа? Культ личности! Вертеп!

– Произнесу известную в народе фразу типа притчи: «Заставь дураков богу молиться, они, усердствуя, лбы расшибут»... Я тут при чём?

– При том! Не увиливайте от ответственности, Зевс! Нам всё известно! Древние греки написали мифологическую анонимку, перечислив все ваши причуды – превращения плюс походы налево и направо. А мы, да будет вам известно, в латыни немного кумекаем – соображаем. Просто ужасаешься, когда читаешь древнее народное эпическое творчество! С чего это вас понесло? Не так уж и давно, когда ваша мама привела вас в наше уважаемое общество «Боги предков», выглядели вы более чем скромным, и даже отдалённо не походили ни на факира, ни на джинна. А тут вдруг фокусы по-

сыпались как из рога изобилия. Вы то в быка изволите превратиться, то в гуся-лебедя, то в красноглазого породистого кролика. Кому нужен этот зоопарк?

– Понятно, что мне нужен, – хмурясь, ответил Зевс.

– А нам не нужен! У нас и в хляби небесной, и на тверди земной, и в морской пучине полно проблем! Но, будьте уверены, мы везде поспеем и всё выправим. И с вашим подсобным хозяйством запросто разберёмся! Если, конечно, этот вопрос по-прежнему будет оставаться актуальным, то есть не выпадет из повестки дня.

– Чего?

– Того! Вы запросто можете в ближайшее время получить травму не совместимую с жизнью.

– С какой это стати я должен получить травму?

– С такой! У богов тоже есть нервы, которые иногда лопаются! Многоуважаемая Гера ещё не била вас по голове чем-нибудь тяжёлым?

– Нет. А что со мной может случиться? Я всё время ношу противоударный венец. Даже ночью его не снимаю.

– Вы заблуждаетесь! Во-первых, известно ли вам, что любой предмет в руках рассерженной Геры – убойное оружие? Во-вторых, даже не надейтесь, что венец вас убережёт, так как он выполняет зрелищную функцию, которая не имеет ничего общего с защитной. Венец – знак принадлежности к элите, только и всего. Кстати, весь инвентарь принадлежит нам, и мы требуем...

– Я понял.

– Он, видите ли, понял! То есть, до вас дошло, что это там – внизу, в солнечных долинах Древней Греции вы состоите на особом учёте как несокрушимый сумасброд, а здесь – в административном здании нашего уважаемого общества вы всего лишь выдвигенец? Мы, однажды выдвинув вас на ответственный пост, так же запросто можем вас задвинуть. Поняли? В мгновение ока заберём у вас и жену, и венец, и громоразрядник, и канете вы в Лету.

– Это ещё куда?

– Туда! Отправим вас на пенсию без подарков! Не дождётесь ни песочных часов, ни дубликата божественного венца, ни горячей путёвки в Эдем-Эдем.

– Не хотелось бы... Я и вдруг без дубликата шикарного венца – это конкретно стрёмно...

– Ишь, ему, видите ли, не хотелось бы! Ну-ну! Тогда поднимайте свой моральный облик до высот нищенствующих монахов – пустынников. Кстати, нужно будет выяснить в отделе «Адские ухищрения», кого из этих монахов вы подвергали соблазнам. Сидеть в пещере без копейки за душой – это нормально. А если устроить короткий проливной золотой дождь? Кто останется в пещере? Ладно, разберёмся... Короче, Зевс, учтите, что желающих вооружиться сверхмощным громоразрядником и вдобавок заполучить в жёны красавицу и мать-героиню Геру у нас... вот сколько...

Главный стал разматывать потрёпанный манускрипт, ис-

писанный фамилиями очередников и пестрящий кляксами. Зевс успел прочесть пару отпущенных в его адрес язвительных эпиграмм, написанных молодыми богами – стажёрами.

– Понятно? – спросил Главный. – Это только первые три метра. Дальше нужно разматывать? Это ещё метров тридцать.

– Не нужно, – хмурясь, ответил Зевс. – Всё понятно.

– Что, что? Я не расслышал! Громче!

– Венец – бракованная азиатская фигня! Молодых коллег нужно либо обходить стороной, либо как можно чаще отправлять в длительные командировки в Заполярье пересчитывать популяцию белых медведей! Впредь никаких корпоративных посиделок! Вакхический фестиваль – один раз в год с разрешения начальства! Жене сегодня же куплю букет цветов! Превращаться в домашний скот нельзя!

– В дикий скот тоже.

– Да, хорошо! Согласен! Я понял абсолютно всё!

– То-то же! Учтите и будьте скромнее. Садитесь. Кстати, почему не пришла Гера? Где она?

– Не знаю. Наверно, присматривает в супермаркете убойное оружие типа кочерги.

– Осознали? Будьте бдительны! А теперь давайте погрузимся в бездну морскую и обратим внимание на некоего Капелькина. Где вы? Так, вижу. Встаньте, встаньте, Капелькин! Или вас якорь придавил?

– Не придавил, – ответил тот, вставая.

– Это, видите ли, наш Посейдон! Всем знакомо его обросшее мидиями лицо? И что благого за последнее время вы сделали, некто Капелькин? Мы выделили вам несколько тёплых морей и заливов с разнообразной живностью, в то время как масса очередников довольствуется распределением в отдалённые бесперспективные холодные болота на должности водяных. Кстати, к водяным у меня тоже есть претензии.

– К нам? А мы тут при чём? – воскликнули синие водяные, прекратив с хрустом закусывать водорослями и раками.

– При том! Регулярно читаем рукописные периодические былины прямо из первоисточников и знаем, в какие болотные вакханалии вы втягиваете молодых длиннохвостых русалок. Так что сидите и не пускайте сероводородные пузыри!

– А мы чё? Мы не чё!

– Итак, Посейдон! Почему вы прицепились к аргонавтам? Что за неприязнь к первооткрывателям иностранных земель? Они, да будет вам известно, герои! Моряки! Матросы!

– Чёртовы матросы! Они всё время кричат: «Арго, арго!» и изо всех сил бьют вёслами по воде. Конкретно достали и меня, и дельфинов, и барабулек. Так бы и заштормил!

– Зачем вам это нужно? Пусть делаю, что хотят!

– Ну да! Конечно! Ещё они мочатся прямо в море!

– Ха, невидаль! Неужели вам не известно, что это только начало? Через несколько тысяч лет Чёрное море будет... даже не с чем сравнить... сплошной сероводород.

– Известно. Всё равно коробит.

– Привыкайте, это только начало судоходства. Больше претензий к матросам-героям нет?

– Есть, да что толку...

– Давайте заканчивать с придирками! Иначе бедные мореплаватели поволокут свои судёнышки вдоль берега как бурлаки, лишь бы не углубляться в ваши владения. Лишь бы вас не видеть! Что это, понимаешь, за террор такой? Прекратите произвол! Вы можете исковеркать не только некоторые эпизоды мифологической истории, в которые мы вложили немалые деньги, но и нанести непоправимый урон общей картине древнего мира! Напоминаю, что трезубец – наш инвентарь. Намёк поняли?

– Да, – тяжело вздохнув, ответил Посейдон.

– Вот и хорошо. Оставьте людей в покое, пусть плавают. Или ходят... Хотя пока лицензию на право хождения по воде получили только клопы-водомерки, но это уже зоология, а не мифология. Короче, Посейдон, не нужно штормить! Пляшите под звуки гуслей богатого новгородского купца Садко и радуйтесь жизни. Кстати, как поживает наша всеобщая любимица Русалочка?

– Беременность протекает нормально: токсикоза нет. Скоро будет метать икру.

– Вах, вах, вах! Поэтому не пришла на собрание?

– Ну да. Вообще-то, она девушка общительная, любознательная. Любит конференции, форумы, митинги. Но куда те-

перь с таким животом? В раковину, запряжённую морскими коньками, не умещается! Девятый месяц как никак!

– Вах, вах, вах! Понимаю. Принца нашли?

– Где его теперь найдёшь? Сгинул принц вместе с белой каравеллой и алыми парусами. Растаял как утренний туман. Поматросил, как говорят, и бросил.

– Вах, вах, вах! Какой негодник! Надо же!

– Нормальный мужик, – едва слышно пробормотал Зевс.

– Теперь я понял, – продолжил Главный, – откуда у вас такая непримиримая неприязнь к аргонавтам-матросам. Да, сочувствую. Ну, короче, Посейдоша, ты крепись и того... не гони волну. Лица вышестоящих начальников перекашиваются от злости, если не они, а кто-то другой создаёт «мутную воду». Даёшь полный штиль! Кстати, в безветренную погоду аргонавтам придётся браться за вёсла и потеть, потеть... Ты уже догадался, что это значит?

– Не знаю. Я не потею.

– Всё просто – море будет чище.

– Ладно, тогда дам полный штиль.

– Будь так любезен, постарайся. Садись, Посейдоша, отдохни. У тебя впереди столько забот! Вынянчить косяк летучих рыб – это не шутка... А вы что улыбаетесь, господин Наливайко-Бахус? К вам тоже есть претензии.

– Ко мне? – искренне удивился тот.

– Да, к вам! И не нужно делать недоумённое лицо! Встаньте! Все видят этого крупномасштабного вредителя?

– Кого? – опять удивился Наливайко.

– Того! Зачем вы приучаете древних балканских воинов разбавлять вино водой? Это что за вредительство такое? Это ведь выброшенные на ветер деньги! Вы что, Бахус, не русский? Какая может быть в вине вода? Это ведь ужасно, что после обильного застолья все овеянные боевой славой герои Древней Эллады остаются при памяти и спокойно расходятся по домам! И никакого мордобоя, никаких разбитых китайских сервизов династии Ся, сломанных стульев и перевернутых столов! Неужели у вас не было бесшабашной юности?

– Бесшабашной не было. Была шабашная.

– Одно другого стоит. Вы смотрели в молодости вестерны про бесшабашных жителей Дикого Запада?

– Это где ковбои и мордобои? Смотрел. Интересно.

– Тогда в чём дело? Зачем тогда предлагаете героям пить конкретно слабоградусную жижицу? В чём изюминка?

– Язвы желудка не будет.

– Вы что, Бахус, главный врач Афин? На то он и алкоголь, чтобы толкать мужиков на подвиги. Теперь я понял, почему герои частенько прячутся в акрополях гаражного типа: их души желают градусов, но не воды!

– А я думаю, что бойцы вспоминают минувшие дни...

– Ошибаетесь! Что вспоминать-то? Пока не разрушены ни Троя, ни Карфаген, ни Пальмира. В Петре торговля идёт полным ходом. И вообще, Петра в данный момент – цвету-

щий оазис, а нужно, чтобы был могильник. Значит, в поте лица своего необходимо творить реальные кровавые события! Долго, упорно и под градусом! Иначе, какая у нас получится история древнего мира? Тоскливая, даже нудная. Молодым школярам обломно будет читать эту дребедень! Короче, Бахус, никакой воды! Я требую, чтобы, выпив под вашим руководством по литру ядрёного вина и закусив квашеной капустой, древнегреческие герои шли биться с филистимлянами.

– Филистимлян уже нет. Теперь другие времена...

– Кто упорно ищет под градусом, тот всегда найдёт! Понятно?

– С этим я согласен.

– Далее! Чтобы, выпив ещё и закусив маринованными огурчиками – корнишонами, герои шли разрушать Трои, невзирая на то, что этот город является достоянием всего человечества. Повторяю: нужно заботиться об интересной кровавой древней истории! Понятно?

– Да.

– Хорошо. Кстати, где ваша жена Либера?

– Ушла...

– Куда она ушла в такой ответственный день? Собираемся один раз в полгода. Неужели ей сложно припудриться... и так далее?

– Припудриться и так далее ей всегда сложно: она то и дело уходит в прострацию.

– Вот оно что! У Либеры вечное брожение ума. Отучайте её от этих «простраций». Она знает, что такое цирроз печени?

– Вряд ли.

– Так объясните! Если вы нацелились на должность министра здравоохранения Балканского полуострова, значит, должны кумекать, к чему может привести длительное неприятие действительности.

– Я не нацелился. И не кумекаю. И когда объяснять? Каждое утро она начинает говорить, что видела во сне формулу спирта и пытается её вспомнить и записать до тех пор, пока не впадает в очередную прострацию.

– Ага! Вот так, значит! Понятно. Не допускайте её в разливочный цех, Бахус, потому что именно там находится возбудитель простраций. И не забывайте, что ликёрный завод вверен вам на ограниченное время. Не пытайтесь гнать самопальный спирт. О постройке дорогостоящей проточно-спиральной паро-дрожжевой линии пока не может быть речи. У нас проблемы с финансами. Короче, Бахус, не гоните!

– Я и не гоню.

– Вот это правильно! Запасы жемчуга у нас закончились, а генеральному подрядчику – Посейдону, сами понимаете, пока не до того...

– Вижу, слышу, понимаю, сочувствую.

– Уже хорошо. Ладно, садитесь.

Главный пробежал взглядом по залу.

– Так! Кто ещё нуждается в ушате ледяной воды? Да уж, на кого ни глянь, каждый буквально кладезь пороков! Упустил я ситуацию, растянув медовый месяц на три с половиной года. Ну, ничего, ничего! Были бы гвозди, молоток всегда найдётся. И не нужно строить мне глазки, госпожи Серая, Серенькая и Сиреневая. Засиренились вы конкретно. Крайне необходимо поговорить о качестве вашего времяпрепровождения.

– Да! – оживились три женщины. – Согласны! Вы такой представительный мужчина, весь в регалиях и орденах... Мы просто обязаны дать вам адрес...

– Я знаю, на каком острове вы вывесили на всеобщее обозрение самодельный красный фонарь!

– Ну, так... – обворожительно улыбнувшись, произнесла Серенькая и поиграла оголённым плечом.

– Что «ну так»? – нахмурившись, спросил Главный. – Вы кто по сути своей?

– Чего? – не поняв, спросила Серенькая.

– Того! Гомер создал сказку, в которой по законам жанра происходили невероятные события – аттракционы. Понятно? Чтобы древние мореплаватели не скучали, а заодно и читатели оценили изобретательный ум автора.

Серенькая наморщила лоб, соображая.

– Не всем и не всё понятно, – продолжил Главный. – Похоже, без примера не обойтись. Итак, проплывая мимо одного из островов, аргонавты вдруг видят, что на каменистом

береге кто-то промелькнул: то ли одна девушка в стрингах с бронзовым загаром, то ли две, то ли вообще непонятно сколько. Атракцион! В рядах аргонатов, естественно, возникает оживление, начинаются пересуды и всё такое прочее типа полёта фантазии. А затем героини-матросы, воодушевившись, с ещё большим рвением должны налечь на вёсла, надеясь увидеть впереди по курсу на следующем острове более чёткое и впечатляющее зрелище. И таким макаром от одного клочка суши к другому до самой Колхиды. А иначе чем бы их заманили в море? Зачем им шкура барана? У них дома таких шкур завались. Понятно? Гомера читали?

– Сценарий читали, но уже забыли.

– А остальные действующие лица ничего не забыли! Циклопы и гарпии со своими ролями справляются безукоризненно: первые делают вид, будто не могут отличить аргонатов от баранов, вторые метко втыкают железные перья в щиты, а не в перепуганных морячков. А вы что устроили?

– Всё время было нормально, а тут вдруг мы что-то устроили!

– Не было нормально, и терпение главных начальников наконец лопнуло! Напоминаю, что вы мифологические сирены, а не нимфы, и тем более не нимфоманки. Понимаете, в чём разница?

– Нет, – откровенно признались сирены. – Нам всё едино.

– Оно и видно! И слышно! Существуют правила хорошего тона, да будет вам это известно. Нельзя так громко орать

на всё море и рвать на себе тельняшки! Это уже слишком! Кстати, напоминаю, что тельняшки – наш реквизит. Дорогостоящий, особо подчёркиваю.

– Мы за ценой не постоим.

– При чём тут деньги?! У морячков глаза округляются от ужаса, когда они слышат слово «сирена»! Пока ситуация окончательно не вышла из-под контроля и не стала катастрофической, то есть никто из мореплавателей не заработал инфаркт, прекращайте этот, мягко говоря, террор. Это приказ! Если ещё раз выкинете какой-нибудь «фокус», отправим вас в Северное море. Будете сидеть на айсберге. Посмотрим, сможете ли вы испугать белых медведей.

– И что прикажете делать нам – беззащитным девушкам? То нельзя, сё нельзя! А что можно?

– Сверху поступил приказ: красный фонарь убрать или перекрасить! Пересмотрите жизненные принципы! Соорудите спортзал. Каждый день физические нагрузки до седьмого пота. Бестолковое времяпрепровождение на пляже не чаще двенадцатых праздников. Тельняшки не рвать. Не орать на всё море с такой обречённостью, будто к вам домой нагрянули судебные исполнители. И генеральная линия вашей жизни – диета!

– У-у-у!

– Никакой жирной макрели и скумбрии. Фрукты и овощи отныне и навсегда должны стать вашей незаменимой пищей.

– А где взять эти фрукты и овощи?

– Неужели никогда не видели, что в море плавают надкушеные яблоки и помидоры?

– Фу! Видели мы эту гадость!

– Это диетическая пища, а не гадость! Конечно, если вы хотите пахнуть как пустая тара из-под селёдки...

– Не хотим пахнуть как пустая тара! Мы хотим пахнуть как свежий ночной бриз!

– Тогда надкушенные яблоки и помидоры вам в руки.

– У-у-у!

– Хватит укать! Ещё раз напоминаю о кротости! Вы – всего лишь рядовые исполнительницы морских шоу, но не яркие морские звёзды! Всего лишь олицетворение короткого эпизода мифологии. Не заостряйте на себе внимание! Покричали немного как учителя на учеников – интеллигентно, на низких тонах, высморкались и спрятались. И всё! Никаких эксцессов! Хотя можете напоследок показать аргонавтам палец – это пойдёт им на пользу как благословение. Знаете, какой палец нужно показывать?

– Знаем! – дружно ответили сирены.

– Кто бы сомневался.

Ненадолго в конференц-зале наступила пауза, во время которой из дальнего угла, где сидели синие водяные, прозвучало бульканье, затем кряхтение и смачные звуки пережёвывания закуски.

– А где находится Месопотамия? – спросила Серенькая.

– Далеко, – ответил Главный. – А вам зачем?

– Перелётные птицы прокричали, что там собрались героические личности.

– Допустим, собрались. Есть там такое местечко – Гавгамелы. И греки туда пришли, и персы, и тьма наёмников. Будут решать, ломая головы... не свои головы, разумеется... над тем, что делать большой компании вооружённых суровых греков: идти победным маршем в славный город Вавилон или, повернув, направиться домой.

– Тьма наёмников? Ого! А где эти Гав-гав-мелы?

– Где, где? Понятно, что не в Караганде. В Эль-Фахде! Чуть-чуть западнее. А вам зачем?

– Для дела.

– Ну да, как же! В пустыне вас только не хватало, сайгаков и тушканчиков пугать! Поскольку вы являетесь исполнительницами морских шоу, ждите, когда откроется регулярное карфагенское судоходство.

– Когда это будет?

– Лет через триста.

– У-у-у! Очень долго ждать!

– Ничего не долго! Вам есть чем заняться. Или вы уже забыли приказ начальства?

Сирены, нахмурившись, не ответили.

– А теперь прервёмся! – сказал Главный. – Синие водяные уже давно провоняли конференц-зал едкими испарениями. Интересно, где находится тот вонючий бездонный спирто-термальный источник?

Водяные сделали вид, будто этот вопрос не имел к ним никакого отношения.

Выждав немного, Главный сказал:

– Похоже, кое у кого в ушах лягушки-затычки. Ладно, переспрашивать не буду. Откройте форточки! Все на улицу! Позволяю воскурить фимиам! Перекур!

ИНСТРУКЦИЯ

МУЖЧИНА СРЕДНЕУПИТАННЫЙ

(далее по тексту изделие, агрегат, механизм, он)

МЫ ВАС ПОЗДРАВЛЯЕМ!

**ВЫ ПРИОБРЕЛИ ОЧЕНЬ НУЖНЫЙ В ДОМАШНЕМ
ХОЗЯЙСТВЕ АГРЕГАТ!**

Вот, в общем-то, и вся инструкция.

Примечание: Мы знаем, что обычно наши милые женщины, стремясь получить от жизни как можно больше ярких впечатлений, не обращают внимания на серые невзрачные бумажки, одной из которых является наша инструкция. Тем не менее, положив руку на сердце, мы расскажем начистоту о данном изделии. Расскажем скорее для самоуспокоения, чем в угоду целому сонму контролирующих органов.

Эксплуатационные нюансы:

1.1. Если Вы, не вняв голосу разума, следуя моде, всё же приобрели данное устройство, сложно сказать, дальновидный поступок Вы совершили или конкретно попали, как это бывает с подавляющим большинством женщин, которые, нуждаясь в отзывчивости и ласке, получают твердолобость и нервные встряски. Агрегат он и есть агрегат! Кстати, изготовленные в Африке подобные устройства выполняют некоторые функции со значительно большим рвением. Заграница!

1.2. Итак, попали Вы или нет? И куда попали? Всё зависит от того, под каким углом рассматривать эту проблему. Совершенно очевидно, что данный агрегат будет занимать в Вашем уютном палаццо не менее одного квадратного метра площади, находясь в состоянии бодрствования, и около двух квадратов во время предусмотренной Главным Конструктором фазы подзарядки – в позе поваленного бревна. И то, и другое плохо. Однако, если в Вашем особняке прежде не приживались ни кошки, ни собаки, ни канарейки, ни прочая мелкая живность, данный агрегат обязательно приживётся, потому что он терпелив и жизнестоек. Возможно, это хорошо. Плохо то, что он довольно часто будет имитировать голоса и привычки Ваших бывших питомцев: не по делу чиркать, забираться на диван с грязными лапами, а также изредка, словно нарочно, мурлыкать и ластиться не в самый подходящий момент. Увы! Как ни старались наши специали-

сты гармонично отрегулировать большое количество микросхем, находящихся внутри данного агрегата, добиться явно-го успеха им не удалось. Увы, увy, увy!

1.3. Фирма не рекомендует в течение первых трёх лет эксплуатации данного несовершенного изделия предлагать ему в тёмное время суток сходить за хлебом или вынести мусор. Приборы ночного видения и блок «Логика» у данного устройства далеки от требований ГОСТа, поэтому Ваша покупка легко может затеряться в соблазнительной ночи. Ищи его потом и свщи. Кстати! Акустические микромембраны данного изделия тоже желают лучшего, так что свистеть будет поздно и бесполезно.

Внимание! Для состоятельных особ!

Да и пусть себе идёт! Не велика потеря! Машины нужно менять примерно один раз в три года!

Для очень состоятельных особ! Конфиденциально!

Мы располагаем сведениями, что в скором времени конкурирующей фирме «Африка» позволят завозить на нашу территорию небольшие партии их мужчин среднеупитанных. Они, конечно же, будут стоить дороже. Но! Ха-ха-ха! Какие проблемы с Вашими-то деньжищами?!

(О целесообразности дорогой покупки мы вкратце упомянули в разделе 1.1.)

1.4. Хотя, бабушка надвое сказала. Наша промышленность уже забрасывала свои изделия в космос, а африканская пока нет. В общем, Вы поняли.

И ещё кое о чём Вы должны подумать. Пойдёт ли африканский агрегат работать в огород? Заложена ли в него сельскохозяйственная программа? А если нет? А если заложена, но не в том формате? Готовы ли Вы к тому, что он, схватив вилы и воткнув в свою кучерявую причёску перья индюка, будет прыгать по грядкам и клумбам, выкрикивая боевые кличи? Хватит ли у Вас чувства юмора, чтобы весело смеяться, наблюдая за тем, как дорогостоящий прыгучий африканский агрегат будет втапывать в землю фасоль, клубнику и гладиолусы? Готовы ли Вы снисходительно отнестись к такому, прямо скажем, неожиданному повороту событий? И это ещё не всё! Есть подозрение, что во время ближайшего косметического ремонта Вашего особняка африканский агрегат будет размазывать масляную краску не по стенам и полу, а по своему телу. Возможно, попытается приобщить Вас к экзотическому ритуалу. Не праздный вопрос: как быстро Вы умеете убегать? И ещё пища для размышлений. Как бы помягче выразиться? В Африке не так уж и давно жили охотники за головами.

(Содержание пункта 1.4. вовсе не означает, что мы ищем любой повод, чтобы подорвать авторитет конкурирующей фирмы. Нет, нет, ничего личного! Мы просто на всякий случай констатируем исторические факты, которые либо уже широко известны, либо при целенаправленном поиске в Интернете доступны любопытному читателю).

Хорошенько подумайте, прежде чем решите основательно

раскошелиться.

Параметры изделия:

2.1. Рост – достаточно разнообразный ассортимент. Всё зависит от Вашего утончённого чувства гармонии.

2.2. Вес – в разумных пределах. Танки продаются в другом магазине. Наши агрегаты не выглядят столь внушительно. Однако! Утяжелённые экземпляры у нас всё-таки есть! Наша фирма как-никак известна во всем мире! Полагаем, что Вы умышленно пришли в один из торговых центров фирмы «Россияне»? Не правда ли? Вряд ли Вы случайно забрели в один из наших ангаров, обвешанных огромными рекламными щитами, с которых на Вас с белоснежной ласковой улыбкой смотрели по пляжному одетые крупногабаритные мужчины.

Итак, утяжелённые экземпляры! УЭ! Получив подзарядку в виде пива и воблы, благодарные УЭ будут мурлыкать, имитируя те звуки, которые издают разомлевшие львы. Вам это должно понравиться. Тем не менее, Вашей сногшибательной привлекательности будет недостаточно для того, чтобы данное изделие носило Вас на руках. Сила-то есть, проблема не в этом. Наши специалисты несчётное число раз пытались ввести в данное устройство и зафиксировать программу «Носить женщину на руках», но эта программа упорно подвергалась уничтожению. Видимо, это работа браузера, за

которым закрепились кличка – «На фига нам это нужно?»
Так что, увы!

Включение и регулировки:

3.1. Данный агрегат включают наши работники под зловещие звуки марша Мендельсона.

3.2. Если во время приёма приготовленной Вами пищи на так называемом лице данного агрегата появится кислое выражение, значит, неисправен или плохо отрегулирован блок номер два – «Вкусовые ощущения». Не нужно ни смущаться, ни нервничать. Данный агрегат не так давно появился в Вашем палаццо, и пока не знает, что Вы великолепный кулинар. Для того чтобы продолжить плодотворное общение, нужно включить блок номер два. Для этого помашите перед носом данного агрегата крепко сжатым кулаком или половником. Сенсоры света должны отреагировать на движение, послать тревожный сигнал в микросхему «Эмоции. Впечатления и переживания», что в свою очередь должно побудить систему блоков «Действия» к быстрому саморегулированию. Если Ваши изящные жесты не принесут желаемого результата, ничего страшного. Выход есть. Какой? Мы подскажем, это наша обязанность. В стародавние времена на Руси изобрели колесо, да не простое, а то, которое постоянно отваливалось от телеги. Затем всем миром на Руси стали думать, как избавиться от этого изобретения. И придумали! Способ

невероятно простой: в сердцах пните данное наглое твердо-лобое изделие два-три раза. Усугублять ситуацию не нужно, то есть, не следует сильно распалиться. Эту профилактическую процедуру следует произвести с обворожительной улыбкой на губах. Вроде, Вы как бы шутите. Этот положительно зарекомендовавший себя способ скрытой принудительной регулировки микросхемы «Мозг» обязательно работает от сотрясений, пусть даже незначительных.

Система блоков действий:

4.1. Мы твердо уверены, что у такой высокоорганизованной дамы, каковой Вы являетесь, прекрасная координация движений и твёрдая рука. Поэтому... Ну, купили Вы, следуя моде, этот несовершенный агрегат! Ну, привезли его домой! Успокойтесь, с кем не бывает. Поставьте его в угол рядом с красивой китайской вазой и пусть себе стоит до позднего вечера или до утра. (Про Ваши действия поздним вечером и утром мы скажем отдельно). Или положите его на диван и включите телевизор. И забудьте! Отвлекаться и некогда, и незачем! У Вас столько неотложных дел по хозяйству! Не нужно заниматься самоедством из-за какого-то мизера!

Внимание!

Мы настоятельно не рекомендуем перекладывать чисто женские проблемы на плечи данного агрегата. Не предлагайте ему вбить в стену гвоздь, починить сливной бачок или

прикрутить какую-нибудь безделушку к кухонному гарнитуру. И ни в коем случае не предлагайте ему заменить электрическую розетку. Боже Вас упаси! Последствия могут быть разрушительнее Армагеддона! Однако если Вы решили своими глазами увидеть эпицентр Большого взрыва или начало конца света, тогда Ваша мечта обязательно сбудется, стоит лишь сказать: «Эй, что лежишь? Видишь, я уже запарилась? А ну-ка, бери молоток!» В результате Вы получите массу незабываемых ярких впечатлений. Возможно, от пережитых положительных потрясений Вы некоторое время будете икать. Ничего страшного, икота скоро пройдёт.

Мы Вас предупредили, теперь наша совесть чиста. И мы не отвечаем за то, что Вы не дочитали инструкцию до этих строк.

4.2. Данное изделие способно само раздеваться и ложиться спать. В единичные экземпляры для смеха вмонтирован блок «Любовь», который, как сюрприз, с шумом срабатывает в полной темноте. Иногда срабатывает.

Внимание!

Расшифровка оговорок, сделанных в пункте 4.1.

Не создавайте полную темноту (не задёргивайте шторы и не выключайте свет) поздним вечером, когда данный агрегат будет с повышенным вниманием просматривать самый интересный в мире журнал: «НЮ. Эталонные модели Западной Европы без средств изоляции». Велика вероятность, что будет много шума, никоим образом не связанного со сраба-

тиванием блока «Любовь». И Вам точно будет не до смеха. Надеемся, Вы всё поняли.

4.3. Ещё одна оговорка. Для поддержания функционирования блока «Самоутверждение» необходимо каждое утро отправлять приобретённое Вами изделие на так называемую работу. Поэтому Вы должны вставать как минимум на полчаса раньше приобретённого Вами агрегата. Этого времени будет достаточно, чтобы Вы успели приготовить манную кашу или овсяные хлопья (это полезно для его здоровья). Так же Вы не должны забыть вручить ему деньги на проезд в метро или трамвае и на сытный обед.

(Вообще-то, если честно, требование Главного Конструктора отправлять эти агрегаты на так называемую работу вызывает у нас недоумение. Чего хотел добиться Главный, принудительно собирая эти устройства в так называемых учреждениях разного уровня? Зачем это вообще нужно? Что скрывается за их необъяснимыми поступками: употреблением кофе, просиживанием с задумчивым видом в курительных комнатах, играми в примитивные "Империи", «Монополии», "Танки", «стрелялки», «догонялки» и прочие безделушки? Все эти с позволения сказать «занятия» безжалостно убивают одно из важнейших составляющих нашего бытия – время. Плюс к тому агрегаты даже не подозревают, что наносят непоправимый вред одной из своих микросхем – «Индивидуальное творческое мышление». Неужели Главный Конструктор допустил большой промах типа «чем бы дитя ни

тешилось...» Подтекст должен быть, но для нас необъяснимые действия агрегатов – секрет, который выше нашего понимания).

4.4. Даже не надейтесь, что приобретённый Вами агрегат будет вовремя возвращаться с так называемой работы! Сенсоры первого блока, отвечающие за ориентацию на местности, и микрочипы зрительной памяти будут очень часто давать сбои из-за высокой концентрации выхлопных газов и прочих внешних раздражителей. Крайне велика вероятность, что Ваш агрегат вкуче с подобными несовершенными устройствами, сбившись в сумерках с курса, часто будет попадать в шумные накопители типа «Паб» или «Ночной клуб». Где-то там его и ищите.

Меры предосторожности:

5.1. Обнаружив данное устройство в ночном клубе, не трясите его за грудки, даже если Вам этого очень сильно хочется.

ПОМНИТЕ: женщины – самые милосердные существа на этой планете. Держите марку!

Выявление дефектов:

6.1. Оденьте приобретённый Вами агрегат по своему вкусу, выведите его на улицу, возьмите под руку и скомандуйте:

«Гулять!» Если Ваше изделие не будет обращать внимания на частокол чужих дамских ножек, значит, его блок «Оценка ситуации» и сенсоры зрения не отрегулированы, то есть мышление заторможено, а визуальный охват местности сведён к минимуму. Прекрасные дефекты, с чем мы Вас и поздравляем! Удачи Вам в совместной жизни!

В ТЕСНОТЕ

Дело было в кладовке, которая в сочетании с гардеробом представляла собой тесную коммуналку – вынужденное переплетение совершенно различных взглядов на жизнь и планов.

Дверь приоткрылась пару раз, затем, после слов: «Вот я сегодня нажрался! Конкретно штормит!» она резко распахнулась настежь. Сначала в угол полетели кепка и пиджак, следом за ним галстук и брюки. Рубашка, влетев в коммуналку, угодила туда, где квартировала обувь. Наконец очередь дошла до туфель и носков. Затем дверь захлопнулась, стало темно.

– Ну и как там на улице? Уже зима катит в глаза? Снег скоро пойдёт? – спросила меховая шапка.

– Вот это вы загнули! – ответила изрядно поношенная кепка. – Сейчас мой сезон.

– Жаль!

– Что жаль? Не торопитесь, наблюдайте за зонтом. Как только он будет востребован каждый день, начинайте потихоньку поднимать ворс дыбом.

– Да, иначе, чем потихоньку, уже не получится – нет прежней прыти.

– Какой сезон тут кантуется?

– Будет восьмой, – ответила шапка. – Если наш эксплуататор не отправил меня в неизвестность вслед за старыми перчатками, значит, ещё пригожусь.

– Да, с вашими убийцами – молью, – эксплуататор сумел разобраться, – сказала кепка.

– В плане выбить пыль, замочить, а потом выжать и высушить, он действительно хорош, – согласилась рубашка.

– Не бубните, – сказал пиджак. – Дайте отдохнуть. И вообще я хочу успокоиться. Столько впечатлений...

– А у вас, кепка, сколько впечатлений? – спросил любопытный шарф.

– Да какие там впечатления? Провисела весь вечер на крючке, с вешалкой особо не о чем было разговаривать. Главный разносчик известий – пиджак.

– Уважаемый сударь... – заговорил шарф, но пиджак прервал его, сказав:

– Фу! Кто тут так жутко воняет тухлой селёдкой?

– Это галстук, – тут же отозвались носки, всё ещё хранившие тепло человеческих ног и их далеко не парфюмерный запах.

– Здрасьте! – возмутился галстук. – С каких это пор я во-
няю?

– Да вы каждый раз умудряетесь выпачкаться в селёдке
под шубой, – парировали носки.

– Я интеллигентный служащий! Селёдку не приемлю!

– Кто меня упомянул? – спросила завёрнутая в целлофан
дублёрка. – Какая селёдка под шубой? Нет у меня таких по-
друг – селёдок!

– Значит, это удочка, – сказали носки.

– Эй, ржавая блесна... – заговорил пиджак.

– Да я отродясь селёдки не видела! – ответила удочка. –
За всю жизнь поймала всего пару пескарей.

– Вот это жизнь! – с завистью произнесла покрытая пылью
пудовая гиря. – Природа, наивные пескари! Круто!

– Не вижу ничего крутого, – ответила удочка. – Знали бы
вы, сколько раз меня со злостью швыряли в кусты, а ещё били
о воду.

– Ну, значит, не умеете выставлять напоказ мормышки и
прочие ваши прелести.

– Все претензии к нашему эксплуататору, – сказала удочка.
– Подсекать нужно уметь, и делать это необходимо во-
время, а не после того, как поплавок, наглотавшись воды, пе-
рестаёт кричать: «Тону! На помощь!» Галок считать, водку
пить да шашлыками закусывать – это не рыбалка!

– Напрочь провоняю за выходные, – с раздражением
сказал пиджак. – В понедельник платья будут шараться

от меня в разные стороны.

– Платья, вечеринки, – мечтательно в один голос произнесли из дальнего угла разошедшиеся костыли. – Хоть бы однажды удалось присутствовать на фэйф-о-клоке или а-ля фуршете. Ничего в жизни не видели: из аптеки в больницу, из больницы в этот угол. Разве это жизнь?

– Костыли, не прибедняйтесь, – сказала гиря. – Вы, как я запомнила, были и в аптеке, и в больнице. Я, например, из магазина напрямик попала сюда, тем не менее, успела познакомиться с прилавком, а ещё несколько секунд рассматривала топ-модель – синий фирменный халат с лейблом «Инесса Леонтьевна».

– Ладно, видели мы пару белых халатов, – признались костыли, – но это была не вечеринка.

– А что толку от этих корпоративов? – подал голос пиджак. – Хотел сегодня пригласить в гости одно скромное платье в горошек, тёрся, тёрся рядом о стойку бара...

– И что? – поинтересовался старый шарф.

– Что? Разве не видите, что я пришёл один? Платье в самый ответственный момент уединилось с такси, и они умчались... Очередное разочарование!

– Велосипедистка? – спросили кроссовки.

– Да, типа того – катала! Ну и пусть катит! У всех у них стринги одного размера.

– Хоть бы один раз увидеть эти самые стринги, – мечтательно сказали костыли.

– Да ничего особенного, – ответил пиджак. – Шнурки видеть доводилось?

– Это какие?

– Какие, какие? Мои шнурки, – сказали кроссовки.

– Или мои, – добавили мокрые грязные ботинки.

– Ещё бы! Каждый день видим!

– В принципе, это и есть стринги.

– Да? Стринги – шнурки? Ну, тогда не интересно! – с разочарованием произнесли костыли.

– Фу, как воняет! – опять завёлся пиджак. – Может быть, придёт наш эксплуататор да оставит дверь приоткрытой...

– Что он тут забыл? – спросили брюки.

– Что забыл? Конечно, халат. Неужели сами не поняли?

– Да, подозрительно, что я сегодня не имею чести быть востребованным, – отозвался халат.

– И ничего не ждите, – сказали брюки. – Слышите, в соседней коммуналке тапки не ходят, телевизор молчит?

– Да, как-то странно...

– Странно другое. Такие кренделя, как сегодня, мы давненько не выделявали. Удивляемся, как смогли вернуться домой. Сейчас наш эксплуататор, по логике и прежней практике, валяется, уткнувши носом в подушку. Вы, халат, ему не нужны.

– Ох, эта подушечка! – мечтательно произнёс один костыль. – Помню, в больнице...

– В больнице вы видели пару белых халатов, – напомнила

костылю гиря. – Или там был кто-то ещё?

– Была одна мягкая подушечка. Просто прелесть! – ответил тот же костыль.

– Почему одна? – произнёс второй костыль. – Подушек было много.

– Подушек, да! А мягкая подушечка была одна.

– А ещё кто был? – поинтересовался шарф.

– Ещё были одеяла.

– Одеяла меня не впечатлили, – признался второй костыль. – Явно был заметен большой стаж работы – повышенная изношенность.

– А тумбочка впечатлила? – спросил первый костыль.

– Куда там! Ты что, брат? Она и вовсе пенсионерка – дверки отваливались.

– А эта... как её... капельница?

– Ну, капельница – нормально. Строгая немного, но это её не портит. Лучше всех была молоденькая каталка. Меня впечатляло её приятное мелодичное поскрипывание.

– Не знаю, не знаю, – ответил первый костыль. – По мне так лучше всех была мягкая подушечка.

– Вот это новость: костыли разъехались в разные стороны! – подал кто-то голос.

– Костыли, у вас богатейший жизненный опыт, а вы скрытничаете! – с упрёком произнесла гиря.

– Хватит! – с раздражением сказал пиджак. – Каталки! Каталки! Платье в горошек! Хватит! Дайте отдохнуть, мне зав-

тра чуть свет нужно будет идти на работу.

– Не забывайте, пиджак, что без нас вы – посмешище, – сказали брюки.

– Да, вам тоже предстоит толкаться на остановке, – согласился пиджак.

– А идти по лужам предстоит именно нам, – уточнили ботинки.

– Да, вам.

– А ещё нам... – заговорили носки.

– Хватит, господа! – повысил голос пиджак. – Обещаю, что завтра чуть свет мы все как один пойдём на работу!

– И мы пойдём? – удивлённо спросили костыли.

– Да, и вы! Гирия вплотную разберётся с лысиной начальника. Этот начальник – тот ещё эксплуататор! То и дело тычет пальцем в мой левый лацкан! Но прежде мы должны немного отдохнуть! Давайте наберёмся сил!

– Давайте! – с энтузиазмом согласилась удочка.

Наступила тишина.